ЯКОРЬ

АНТОЛОГІЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЭЗІИ

ПЕТРОПОЛИСЪ

PETROPOLIS

Я К О Р Ь

АНТОЛОГІЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЭЗІИ

Составили

Г. В. Адамовичъ и М. Л. Канторъ

ПЕТРОПОЛИСЪ — 1936

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

Составителей этого сборника долго прельщала мысль отказаться отъ безпристрастья въ выборѣ авторовъ: антологія, составленная по принципу личнаго вкуса — пусть и далеко не безошибочнаго —, была бы, вѣроятно, живѣе, чѣмъ предлагаемая книга, не говоря уже о томъ, что самый процессъ такого составленія увлекательнѣе, нежели подборъ систематическій.

Но мысль эту пришлось отбросить. Едва ли, въ самомъ дѣлѣ, возможна надежда на то, чтобы въ эмиграціи, при нашихъ здѣшнихъ матеріальныхъ условіяхъ, былъ когда нибудь еще разъ изданъ подобный сборникъ. Поэтому на насъ лежала особая отвѣтственность, — и мы рѣшили, что лучше составить книгу, которая останется какъ памятникъ эпохи, а не только мелькнетъ, какъ свидѣтельство отдѣльной во-

ли. Безспорную точность и полноту мы завѣдомо предпочли внутренней стройности.

Лишь къ концу работы стало ясно, что жертва не такъ велика, какъ казалось. Единство, — правда, довольно смутно очерченное, — возникло само собой. Какъ его объяснить? Сказалось, конечно, и начало личной оцѣнки, которое невозможно было совсѣмъ исключить: отбирая у каждаго автора то, что для него наиболѣе характерно, мы все же руководились своимъ вкусомъ, и вполнѣ возможно, что не всѣ авторы будутъ съ нами согласны, да и въ спискѣ именъ, при всемъ нашемъ стремленіи къ «объективности», неизбѣжно былъ личный выборъ. Но это причина не главная. Стихи, которые появились и появляются въ эмиграціи, сколько бы ни было въ нихъ различій, очевидно объединены основной темой, и — какъ слѣдствіе — объединены тономъ, стремленіемъ, даже самой манерой. Скажутъ: ничего нѣтъ удивительнаго, «бытіе опредѣляетъ сознаніе»! Да, пожалуй, — на девять десятыхъ это вѣрно. Но въ какой-то мельчайшей (и важнѣйшей) долѣ это не такъ, и ужъ если придерживаться формулъ, слѣдовало бы сказать, что тутъ «сознаніе» опредѣлило «бытіе». Съ этимъ сознаніемъ иного бытія бытія не могло. Случайности въ судьбѣ не было. Обсуждать или оправдывать воленъ каждый, но прежде надо понять. Въ поэзіи смыслъ времени выраженъ иногда глубже, чѣмъ тамъ, куда

логика вноситъ вмѣстѣ со своей ясностью своё безсилье передъ противорѣчьями.

Какъ фонъ или аккомпаниментъ, возникаетъ Россія. Тотъ діалогъ, который никакъ не налаживается, — и не можетъ наладиться, — въ болѣе отчетливыхъ формахъ, здѣсь, въ поэзіи, слышенъ явственно, и придаетъ стихамъ одушевленіе. Поэтъ на первый взглядъ говоритъ самъ съ собой, нерѣдко только о себѣ и говоритъ; времена трибуновъ миновали, и, отчасти, добавлю, духовная энергія этого сборника на то и обращена, чтобы право на «безтрибунность» и ея цѣнность утвердить, и запоздалыя донкихотскія претензіи уничтожить. Но истинный разговоръ съ собой есть всегда разговоръ съ міромъ, съ другими людьми. Отвѣты уже даны, ихъ надо только найти, — и сосредоточенность есть не самозамыканіе, а выходъ. Конечно, утверждая, что въ стихахъ, написанныхъ въ эмиграціи, слышится «разговоръ съ Россіей», я не приглашаю искать въ нихъ какого либо увѣщеванія, полемики или проклятій. Такіе стихи существуютъ, но мы ихъ не включили въ сборникъ, и едва ли когда нибудь придется намъ въ этомъ раскаиваться. Непосредственный, первый, формальный критерій (почти никогда не обманывающая провѣрка слухомъ: какъ звучитъ? есть ли связь и органичность въ игрѣ звуковъ? или все разсыпается, несмотря на возвышенность чувствъ или достоинства стиля?) совпадетъ по содержанію съ мѣ-

риломъ позднѣйшимъ, общимъ, углубленнымъ: подлинная поэзія не можетъ быть отрицаніемъ, ее можно только использовать для отрицанія чего нибудь, для торжества надъ чѣмъ нибудь, но въ ней самой — борьбы нѣтъ. Она — какъ свѣтъ по отношенію къ тьмѣ, какъ память и забвеніе: аналогія грубая, но совершенно вѣрная.

Оттого, думается, книгу эту стоило и слѣдовало выпустить. Въ ней много блѣдныхъ стихотвореній, — что скрывать? кого и зачѣмъ обманывать? Поэтовъ оригинальныхъ и сильныхъ бываетъ нѣсколько на эпоху, притомъ въ цѣлой странѣ, — остальные лишь несутся по теченію, болѣе или менѣе успѣшно держась на его поверхности. У насъ же не страна, а только осколокъ ея: было бы нелѣпо ждать, что въ антологіи, здѣсь собранной и широкой по составу, окажется большое количество образцовъ истиннаго творчества.

Но голосъ, пафосъ и можетъ быть даже «идеалъ» въ книгѣ есть. Иногда спрашиваешь себя: отчего не заставили мы себя остаться т а м ъ? съ чѣмъ мы не согласны — не въ формѣ, а въ сути вещей? въ чемъ отказываемся участвовать? что, вообще, мы дѣлаемъ здѣсь? Есть множество готовыхъ, успокоительныхъ объясненій — но и послѣ нихъ сомнѣніе «точитъ душу». Въ стихахъ скрытъ отвѣтъ. Поэзія по мѣрѣ силъ исполнила свое назначеніе, и если это мало кто

склоненъ сейчасъ признать, вины тутъ ея нѣтъ. Безъ громкихъ фразъ — этотъ сборникъ обращенъ скорѣй къ будущему, чѣмъ къ настоящему, и можетъ быть будущее найдетъ общее наше оправданіе тамъ, гдѣ большинство современниковъ, столь охотно толкующихъ о всякаго рода «миссіяхъ», видѣло лишь легкомысліе, баловство и скуку.

Два слова о названіи книги. Названіе сборника стиховъ почти никогда ничего не значитъ, и безъ большой бѣды можетъ быть замѣнено другимъ, не слишкомъ рѣзко расходящимся съ образами поэта. Наше — не исключеніе. Если же кому нибудь почудится въ «якорѣ» наивная, примитивная аллегорія — въ духѣ былыхъ «огоньковъ» —, что же, тѣмъ лучше: отрекаться отъ такого толкованія у насъ нѣтъ ни желанія, ни причины. Признаюсь, что и навѣяно было это слово старинными стихами, гдѣ именно въ такомъ смыслѣ употреблено. Стихи принадлежатъ поэту, котораго всѣ пишущіе русскіе стихи должны бы признать однимъ изъ своихъ немногихъ великихъ, настоящихъ учителей — Боратынскому:

Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золъ;
Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ,
Прежде чѣмъ руки марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь — надежды символъ!

«Надежды символъ»: вотъ лучшее и самое глубокое опредѣленіе книги. Кстати и Боратынскому надежда явилась вдалекѣ отъ родины.

Георгій Адамовичъ

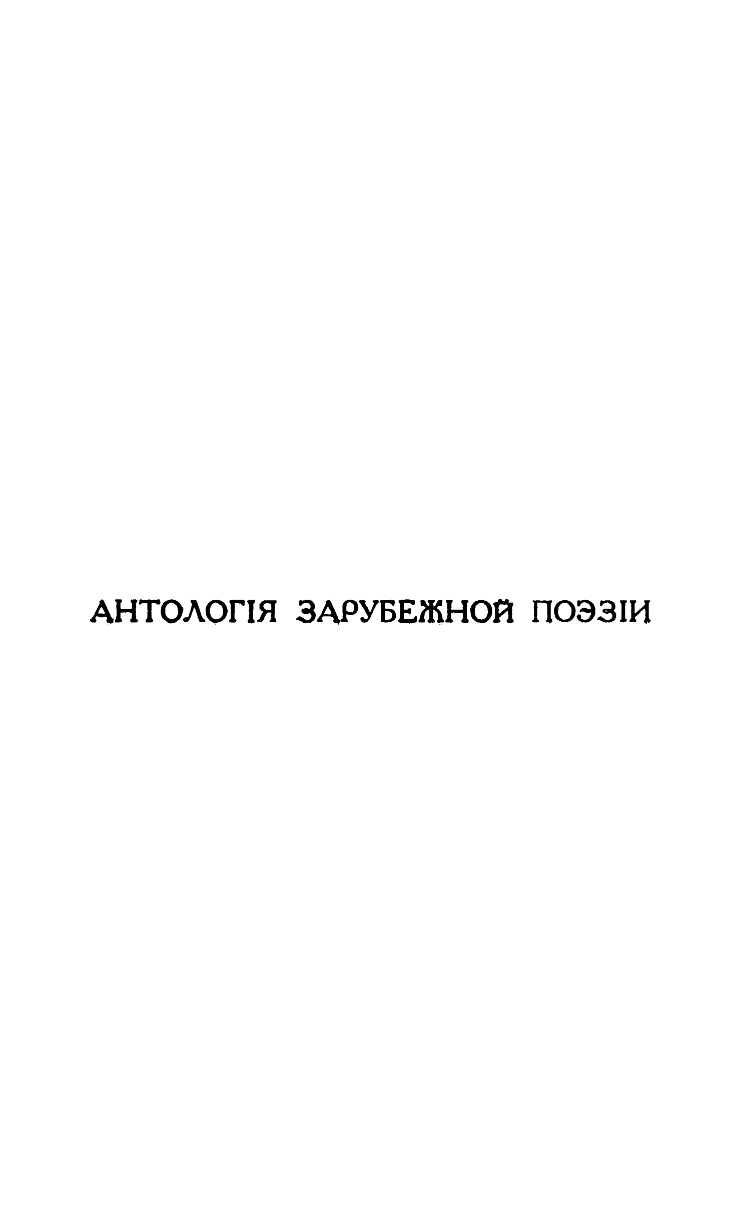
12 сентября, 1935

Стихотворенія, собранныя въ Антологіи, разбиты составителями на 6 отдѣловъ: въ *первый* включены писатели, литературная дѣятельность которыхъ началась еще въ Россіи; остальные пять удѣлены поэтамъ, начавшимъ печататься лишь за рубежомъ. При этомъ, во *второй* отдѣлъ вошли поэты, живущіе во Франціи, въ *третій* — авторы, примыкающіе къ пражскому объединенію «Скитъ»; въ *четвертый* — группа, которую принято называть берлинской (хотя нѣкоторые изъ ея участниковъ проживаютъ нынѣ въ Германіи); *пятый* объединяетъ поэтовъ Дальняго Востока; наконецъ, въ *шестомъ* нашли мѣсто авторы, живущіе въ разныхъ пунктахъ русскаго разсѣянія, не образуя однако достаточно прочныхъ и характерныхъ группъ, чтобы могло быть оправдано выдѣленіе ихъ въ особую главу.

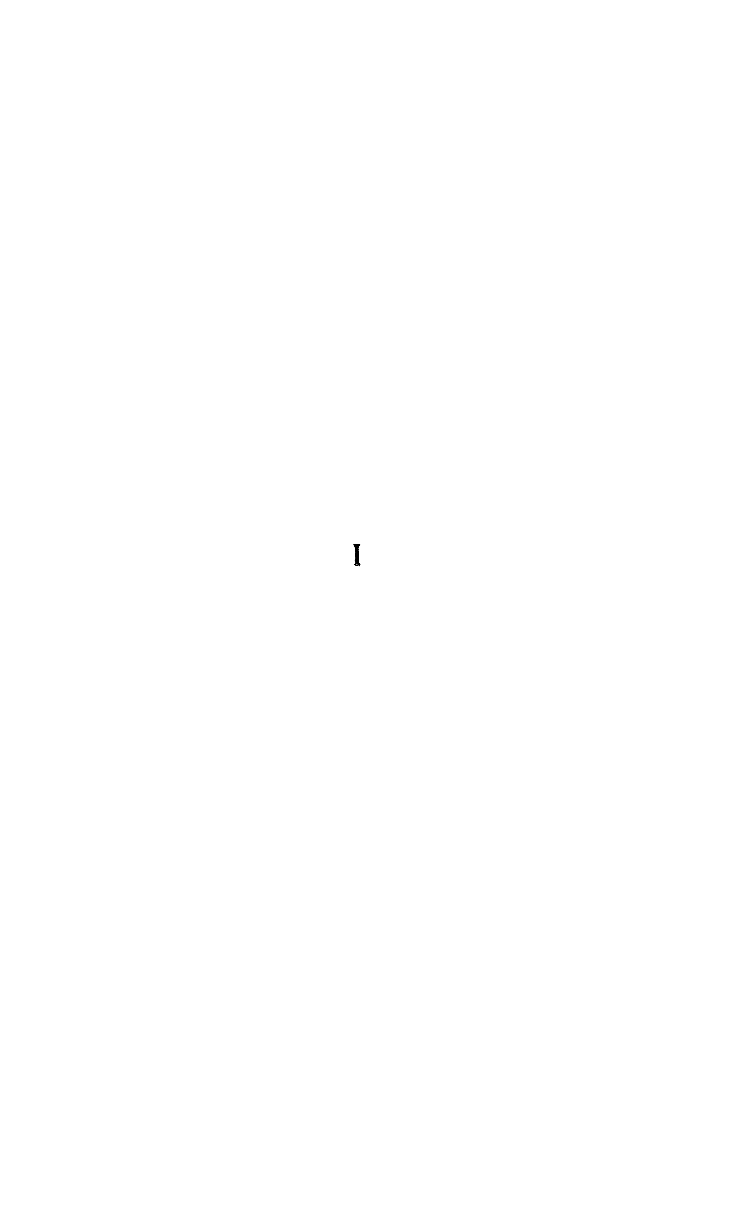
Указатель-оглавленіе, который читатель найдетъ въ концѣ книги, содержитъ краткія — что-

бы не сказать кратчайшія — біографическія и библіографическія данныя о писателяхъ, произведенія которыхъ вошли въ настоящій сборникъ. Указатель этотъ не только не претендуетъ на полноту, но возможно, что кое въ чемъ онъ окажется и не вполнѣ точнымъ. За погрѣшности этого рода редакторы заранѣе приносятъ извиненія какъ авторамъ, такъ и читателямъ, прося ихъ учесть затруднительность собиранія подобныхъ справокъ въ условіяхъ эмигрантской разобщенности.

Составители Антологіи выражаютъ свою глубокую признательность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ имъ содѣйствіе въ подготовкѣ и изданіи настоящей книги, въ особенности — г-жѣ *Е. В. Маковской*, а также г.г. *А. Л. Бему*, *Л. Н. Гомолицкому*, *М. Г. Горлину*, *П. М. Иртелю*, *Ю. В. Мандельштаму*, *В. А. Перелѣшину* и *М. О. Цетлину*.

АНТОЛОГІЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЭЗІИ

I

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

ПЯТАЯ

Бѣдность, Чужбина, Немощь и Старость,
Четверо, четверо, всѣ вы со мной,
Всѣ возвѣщаете вѣчную радость —
Горю земному предѣлъ неземной.

Темныя сестры, древнія дѣвы,
Строгіе судьи во злѣ и въ добрѣ,
Сходитесь ночью, шепчетесь всѣ вы,
Сестры, о пятой, о старшей Сестрѣ.

Шопотъ вашъ тише, все тише, любовнѣй;
Ближе, все ближе звѣздная твердь.
Скоро скажу я съ улыбкой сыновней:
Здравствуй, родимая Смерть!

ОДУВАНЧИКИ

«Блаженны нищіе духомъ»...
Небо нагорное сине;
Верески смольнымъ духомъ
Дышатъ въ блаженной пустынѣ;
Бѣлыя овцы кротки,

Бѣлыя лиліи свѣжи;
Геннисаретскія лодки
Тянутъ по заводи мрежи.
Слушаетъ мытарь, блудница,
Сонмъ рыбаковъ Галилейскихъ;
Смуглы разбойничьи лица
У пастуховъ Идумейскихъ.
Побѣдоносны и грубы
Слышатся съ дальней дороги
Римскія, мѣдныя трубы...
А Раввуни босоногій
Все повторяетъ: «Блаженны»...
Съ вѣтромъ слова улетаютъ
Бѣдные люди смиренны, —
Что это значитъ, не знаютъ...
Кто это, сердце не спроситъ.
Вѣтеръ съ холмовъ Галилеи
Пухъ одуванчиковъ носитъ.
«Блаженны нищіе духомъ»...
Кто это, люди не знаютъ,
Но одуванчики пухомъ
Ноги Ему осыпаютъ.

СОННОЕ

Что это — утро, вечеръ?
Гдѣ это было, не знаю.

Слишкомъ ласковый вѣтеръ,
Слишкомъ подобное раю,
Все неземное-земное.
Только бываетъ во снѣ
Милое небо такое, —
Синее въ звѣздномъ огнѣ.
Тишь, глушь, бездорожье,
Въ алыхъ макахъ межи.
Русское, русское — Божье
Поле зрѣющей ржи.
Господи, что это значитъ?
Жду, смотрю, не дыша...
И отъ радости плачетъ,
Богу поетъ душа.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

Вновь арокъ древнихъ вѣрный пилигримъ,
Въ мой позднiй часъ вечернимъ Ave Roma
Привѣтствую, какъ сводъ родного дома,
Тебя, скитанiй пристань, вѣчный Римъ.

Мы Трою предковъ пламени даримъ:
Дробятся оси колесницъ межъ грома
И фурiй мiрового ипподрома:
Ты, царь путей, глядишь, какъ мы горимъ.

И ты пылалъ — и возставалъ изъ пепла,
И памятливая голубизна
Твоихъ небесъ глубокихъ не ослѣпла.

И помнитъ въ ласкѣ золотого сна
Твой вратарь, кипарисъ, какъ Троя крѣпла,
Когда лежала Троя сожжена.

Пью медленно медвяный солнца свѣтъ,
Густѣющiй, какъ долу звонъ прощальный;
И свѣтелъ духъ печалью безпечальной,
Весь полнота, какой названья нѣтъ.

Не медомъ ли воскресшихъ полныхъ лѣтъ
Онъ напоенъ, сей кубокъ Дня вѣнчальный?

Не Вѣчность ли свой перстень обручальный
Простерла дню за гранью зримыхъ мѣтъ?

Зеркальному подобна морю слава
Огнистаго небеснаго расплава,
Гдѣ таетъ дискъ и тонетъ исполинъ.

Ослѣпшими перстами лучъ ощупалъ
Верхъ пиніи, и глазъ потухъ. Одинъ
На золотѣ круглѣетъ синій куполъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

МАТЬ МОЯ

Мать моя, люблю твои одежды,
Изумрудный шелкъ и бархатъ бѣлый,
Поступь тигра, пташки голосъ смѣлый,
Океана синіе предѣлы,
Липъ дремотныхъ тѣневыя вѣжды.

Мать моя, бываешь ты безумна,
Но за мигомъ крайнихъ изступленій
Ты даешь душѣ восторгъ моленій,
Красочное таинство растеній,
И снопы, упавшіе на гумна.

Мать моя, ты мнѣ дала дерзанье,
Я спускался въ пропасти безъ счета,
Отъ всего иду еще во что-то,
Я люблю опасности полета,
Я лечу, хотя-бъ на истязанье.

Мать моя, къ тебѣ я съ малымъ даромъ,
Я, твой сынъ, всегда тебѣ покорный,
Ты прими мой стихъ, мой звонъ узорный.
Я люблю тебя и въ безднѣ черной,
Я горю, но не сожженъ пожаромъ.

ЛЮБИМАЯ

Надъ моремъ тяготѣнье было тучи,
Свинцовая громада въ высотѣ.
А тутъ и тамъ, на облачной чертѣ,
Какой то свѣтъ былъ нѣжный и тягучій.

Откуда доходилъ онъ изъ за кручи
Тумановъ, сгроможденныхъ въ пустотѣ?
Особенный по странной красотѣ
Мнѣ талисманъ въ немъ чудился пѣвучій.

Вдругъ, высоко, тамъ, въ безднахъ вышины,
Серпомъ Луна возникла молодая,
И съ свѣжимъ плескомъ, гулко возростая,

Качнула сила ровность глубины.
Такъ ты пришла, о, радость золотая,
Въ мгновеніе рожденія волны.

ЦѢЛЬНОСТЬ СЧАСТЬЯ

Цѣльность счастья, это — счастіе вдвойнѣ,
Это — волны въ убѣганіи къ волнѣ,
Это радость, послѣ мрака долгихъ лѣтъ,
Въ полномъ цвѣтѣ между листьевъ первоцвѣтъ.

Цѣльность счастья, — это тихій синій взоръ,
Отражающій безмолвіе озеръ,
Тамъ глубоко, тамъ въ прозрачности, на днѣ,
Талисманъ, и онъ одинъ, и весь онъ мнѣ.

КРУГЪ

Слышать ночное дыханье
Близкихъ уснувшихъ людей,
Чувствовать волнъ колыханье,
Зыбь отошедшихъ страстей, —

Видѣть, какъ вѣчно гадая,
Сиріусъ въ небѣ горитъ,
Видѣть, какъ брызнетъ, спадая
Въ небѣ одинъ хризолитъ, —

Знать, что безвѣстность отъ дѣтства
Быстрый приснившійся путь,
Вольно растратить наслѣдство,
Вольнымъ и нищимъ уснуть.

ОБѢТОВАНІЕ

Сомкни усталыя рѣсницы,
На то, что было, не смотри.
Закрывъ глаза, читай страницы,
Что свѣтятъ ярко тамъ внутри.

Изъ бездны ада мы бѣжали,
И Море бьетъ о чуждый брегъ.
Но заключили мы скрижали
Въ недосягаемый ковчегъ.

Храни нетронутость святыни,
Которой перемѣны нѣтъ.
И знай — отъ вѣка и донынѣ
Намъ свѣтитъ негасимый свѣтъ.

Когда жъ ягненокъ съ волкомъ рядомъ
Пойдутъ одну зарю встрѣчать,
Вдругъ разомкнется намъ надъ кладомъ
Теперь сомкнутая печать.

ЗИМА

Въ чертогъ Зимы со знакомъ Козерога
Вступило Солнце. Выпитъ лѣтній медъ.
Полетъ саней. Вся бархатна дорога.
Теченье рѣкъ замкнулось въ звонкій ледъ.

Кора деревъ, охваченная стужей,
Какъ дверь тюрьмы, туга и заперта.
Домъ занесенъ. Въ немъ долгъ часъ досужій.
Въ узорахъ оконъ звѣздный знакъ креста.

Въ трубѣ — органъ. Въ немъ вѣтромъ нелюдимымъ
Размѣрно сложенъ сумрачный хоралъ.
Духъ солнечный восходитъ синимъ дымомъ,
Костеръ стодневный жарко запылалъ.

Въ березѣ бѣлой солнечная сила
Запряталась, чтобъ насъ зимой согрѣть.
И пламя въ печкѣ пляшетъ цвѣтокрыло,
Текучую переливая мѣдь.

ДВОЕ

Два волка бѣгутъ, оба въ небо глядятъ,
На небо глядятъ, онъ грызливъ, этотъ взглядъ.
Не волки бѣгутъ, а полозья скрипятъ,
Нежданные въ теремъ доѣхать хотятъ.

Двѣ свѣчки, такъ жарки, не дрогнутъ, горятъ,
Не дрогнутъ, горятъ и съ собой говорятъ.
Не свѣчи, а очи, въ глубь ночи ихъ взглядъ,
Тоска истомила, ахъ, счастья хотятъ.

Двѣ птицы, двѣ съ крыльями, когти острятъ,
Добычу намѣтятъ, ее закогтятъ.
Отъ клюва до клюва насупленный взглядъ,
Два сильные сокола биться хотятъ.

Два волка на срѣзанный Мѣсяцъ глядятъ,
Налитъ чарованіемъ жаждущій взглядъ.
На бѣлой красавицѣ зимній нарядъ,
Два сердца въ несчастіи счастья хотятъ.

МОРСКОЙ ПАСТУХЪ

Морской пастухъ, брожу безмолвный
По содвигаемой чертѣ,
И въ свѣтѣ дня пасу я волны,
А ночью звѣзды въ высотѣ.

Отливъ смежается съ приливомъ,
Тоска смѣняется во мнѣ
Порывомъ вольнымъ и счастливымъ,
И въ вышнемъ я тону огнѣ.

Вся малость въ сердцѣ спитъ глубоко,
И, къ вѣчнымъ празднествамъ спѣша,
Не человѣческое око,
Тѣхъ звѣздъ касается — душа.

Къ роднымъ потокамъ тяготѣя,
Весь прохожу я Млечный Путь,
И знаю, млѣя и нѣмѣя,
Что буду тамъ когда-нибудь.

Но, погостивъ въ краяхъ родимыхъ,
Уставъ скитаться въ вышинѣ,
Опять тону я въ синихъ дымахъ,
Въ подводныхъ пропастяхъ, на днѣ.

А вѣтеръ взвилъ мой бичъ пастушій,
Мой духъ, безсонный разумъ мой,
И Океанъ ночной все глуше
Гудитъ вѣщательно: «Домой!»

ЗИНАИДА ГИППІУСЪ

ВѢЕРЪ

Смотрю въ лицо твое знакомое,
Но милыхъ чертъ не узнаю.
Тебѣ-ли отдалъ я кольцо мое
И ввѣрилъ тайну — не мою?

Я не спрошу назадъ, что ввѣрено,
Ты не владѣешь имъ — какъ я:
Все позабытое — потеряно,
Ушло навѣкъ изъ бытія.

Когда-то, ради нашей малости,
И ради слабыхъ нашихъ силъ,
Господь отъ нѣжности и жалости
Намъ вѣчность — вѣеромъ раскрылъ.

Но ты спасительнаго дленія
Изъ Божьихъ рукъ не приняла
И на забвенныя мгновенія
Живую ткань разорвала...

Съ тѣхъ поръ бѣгутъ они и множатся,
Всегда дробясь средь пустоты,
И если вѣеръ снова сложится,
Боюсь, что въ немъ не будешь ты.

ГОРНОЕ

Закатъ

Освѣщена послѣдняя сосна.
Подъ нею темный кряжъ пушится.
Сейчасъ погаснетъ и она.
День конченный — не повторится.

День кончился. Что было въ немъ?
Не знаю, пролетѣлъ какъ птица.
Онъ былъ обыкновеннымъ днемъ.
А все-таки — не повторится.

КАКЪ ОНЪ

Преодолѣть безъ утѣшенья,
Все пережить и все принять,
И въ сердцѣ даже на забвенье
Надежды тайной не питать, —

Но быть, какъ этотъ куполъ синій,
Какъ онъ, высокій и простой,
Склоняться любящей пустыней
Надъ нераскаянной землей!

ЛЯГУШКА

Какая-то лягушка (все равно!)
свиститъ подъ небомъ черновлажнымъ
Заботливо, настойчиво, давно.

А вдругъ она — о самомъ важномъ?

И вдругъ, понявъ ея языкъ,
Я бъ измѣнился, все бы измѣнилось,
Я міръ бы иначе постигъ,
И въ мірѣ бы мнѣ новое открылось?

Но я съ досадой хлопаю окномъ:
Все это — мара ночи южной
съ ея томительно-безсоннымъ сномъ...

Какая-то лягушка! Очень нужно!

НАДЪ ЗАБВЕНЬЕМЪ

Я весь, и сердцемъ и тѣломъ,
Тебя позабылъ давно.
Какъ будто въ дому опустѣломъ
Закрылось твое окно.

И вотъ — этотъ звукъ случайный,
Который я тоже забылъ,

По связи какой-то тайной
Меня во мнѣ измѣнилъ.

Душу оставилъ все тою,
Уму не сказалъ ничего,
Лишь острою теплотою
Наполнилъ меня всего.

Не память, — но воскресенье,
Мгновеній обратный летъ...
Такъ бывшее — надъ забвеньемъ
Своею жизнью живетъ.

ВѢЧНОЖЕНСТВЕННОЕ

Какимъ мнѣ коснуться словомъ
Бѣлыхъ одеждъ Ея?
Съ какимъ озареньемъ новымъ
Слить ея бытіе?
О, вѣдомы мнѣ земныя
Всѣ твои имена:
Сольвейгъ, Тереза, Марія...
Всѣ они — ты Одна.
Молюсь и люблю... Но мало
Любви, молитвъ къ тебѣ.
Твоимъ — твоей отъ начала
Хочу пребыть въ себѣ,

Чтобъ сердце Тебѣ отвѣчало —
Сердце — въ себѣ самомъ,
Чтобъ Нѣжная узнавала
Свой чистый образъ въ немъ...
И будутъ пути иные,
Иной любви пора.
Сольвейгъ, Тереза, Марія —
Невѣста — Мать — Сестра!

ДОМОЙ

Мнѣ —
о землѣ —
болтали сказки:
«Есть человѣкъ. Есть любовь».

А есть —
лишь злость.
Личины. Маски.
Ложь и грязь. Ложь и кровь.

Когда
предлагали
мнѣ родиться —
Не говорили, что міръ такой.

Какъ же
  я могъ
    не согласиться?
      Ну а теперь — домой, домой.

СЕСТРЫ

Ты Жизни все простилъ: игру,
Обиду, боль и даже скучность...
А темноокую ея Сестру?
А странную ихъ неразлучность?...

БЫТЬ МОЖЕТЪ

Какъ этотъ странный міръ меня тревожитъ!
Чѣмъ дальше — тѣмъ все меньше понимаю.
Отвѣтовъ нѣтъ. Одинъ всегда: быть можетъ.
А самый честный и прямой: не знаю.

Задумчивой тревогѣ нѣтъ отвѣта.
Но почему-же дни мои ее все множатъ?
Какъ родилась она? Откуда?
                                        Гдѣ-то —
Не знаю гдѣ — отвѣты есть... быть можетъ?

ETERNITE FREMISSANTE

Моя любовь одна, одна,
Но все же плачу, негодуя:
Одна, — и тѣмъ раздѣлена,
Что раздѣленное люблю я.

О, время! Я люблю твой ходъ,
Порывистость — и равномѣрность.
Люблю игры твоей полетъ,
Твою измѣнчивую вѣрность.

Но какъ не полюбить я могъ
Другое, радостное чудо:
Безвременья живой потокъ,
Огонь, дыханіе «оттуда»?

Увы, раздѣлены они
Безвременность и Человѣчность.

Но будетъ день: совьются дни
Въ одну трепещущую Вѣчность.

ПѢТУХЪ НА ЦЕРКОВНОМЪ КРЕСТѢ

Плыветъ, течетъ, бѣжитъ ладьей
И какъ высоко надъ землей!
Назадъ идетъ весь небосводъ,
А онъ впередъ — и все поетъ.

Поетъ о томъ, что мы живемъ,
Что мы умремъ, что день за днемъ
Идутъ года, текутъ вѣка —
Вотъ какъ рѣка, какъ облака.

Поетъ о томъ, что все обманъ,
Что лишь на мигъ судьбою данъ
И отчій домъ, и милый другъ,
И кругъ дѣтей, и внуковъ кругъ.

Поетъ о томъ, что держитъ бѣгъ
Въ чудесный край его ковчегъ,
Что вѣченъ только мертвыхъ сонъ
Да Божій храмъ, да крестъ, да онъ.

СИРІУСЪ

Гдѣ ты, звѣзда моя завѣтная,
Вѣнецъ небесной красоты?
Очарованье безотвѣтное
Снѣговъ и лунной высоты?

Гдѣ вы, скитанія полночныя
Въ равнинахъ свѣтлыхъ и нагихъ,
Надежды, думы непорочныя
И радость вымысловъ моихъ?

Пылай, играй стоцвѣтной силою,
Неугасимая звѣзда,
Надъ дальнею моей могилою,
Забытой Богомъ навсегда!

ВЕНЕЦІЯ

Колоколовъ средневѣковый
Пѣвучій зовъ, печаль временъ,
И счастье жизни вѣчно новой,
И о быломъ счастливый сонъ,

И чья-то кротость, всепрощенье,
И утѣшенье: все пройдетъ!
И золотыя отраженья
Дворцовъ въ лазурномъ глянцѣ водъ,

И дымка млечнаго опала,
И солнце, смѣшанное съ нимъ,
И встрѣчной взоръ, и опахало,
И ожерелье изъ коралла,
Подъ катафалкомъ водянымъ.

ВСТРѢЧА

Ты на плечѣ, рукою обнаженной,
  Отъ зноя темной и худой,
Несешь кувшинъ изъ глины обожженной,
  Наполненный тяжелою водой.
Съ нагихъ холмовъ, гдѣ стелятся сухіе
  Сѣдые злаки и полынь,
Глядишь въ просторъ пустынной Куманіи,
  Въ морскую вечерѣющую синь,
Все та же ты, какъ въ сказочные годы!
  Все тѣ же губы, тотъ же взглядъ,
Исполненный и рабства и свободы,
  Умершій на землѣ уже стократъ,
Все тотъ же зной и дикій запахъ лука
  Въ тѣлесномъ запахѣ твоемъ,
И та же мучитъ сладостная мука, —
  Безплодное томленіе о немъ.
Черезъ вѣка найду въ пустой могилѣ
  Твой крестъ серебряный, и вновь,
Вновь оживетъ мечта о древней были,
  Моя неутоленная любовь,

И будетъ вновь въ морской вечерней сини,
Въ ея задумчивой дали,
Все тотъ же зовъ, печаль временъ, пустыни,
И красота полуденной земли.

ДОЧЬ

Все снится: дочь есть у меня,
И вотъ я, съ нѣжностью, съ тоской,
Дождался радостнаго дня,
Когда ее къ вѣнцу убрали,
И самъ, неловкою рукой,
Поправилъ газъ ея вуали.
Глядѣть на чистое чело,
На робкій блескъ невинныхъ глазъ
Мнѣ почему-то тяжело,
Но все жъ блѣднѣю я отъ счастья,
Крестя ее въ послѣдній часъ
На это женское причастье.
Что снится мнѣ потомъ? Потомъ
Она ужъ съ *нимъ*, — какъ страшенъ онъ! —
Потомъ мой опустѣвшій домъ —
И чувствомъ молодости странной,
Какъ будто послѣ похоронъ,
Кончается мой сонъ туманный.

ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕТРА

«Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія. . .»

О, если бъ узы гробовыя
Хоть на единый мигъ земной
Поэтъ и Царь расторгли нынѣ!
Гдѣ Градъ Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаосъ, — царство Сатаны,
Губящаго слѣпой стихіей.
И вотъ дохнулъ онъ надъ Россіей,
Возсталъ на Божій строй и ладъ —
И скрылъ пучиной окаянной
Великій и священный Градъ,
Петромъ и Пушкинымъ созда́нный.

И все-жъ придетъ, придетъ пора
И воскресенья и дѣянья,
Прозрѣнія и покаянья,
Россія! Помни-же Петра.
Петръ значитъ Камень. Сынъ Господній
На Камени созиждетъ храмъ
И скажетъ: «Лишь Петру я дамъ
Владычество надъ преисподней». . .

Вотъ завела я пѣсенку,
А спѣть ее — нѣтъ силъ.
Полѣзъ горбунъ на лѣсенку
И солнце погасилъ...

По темнымъ переулочкамъ
Ходилъ вчера Христосъ —
Онъ всѣхъ о комъ-то спрашивалъ,
Кому-то что-то несъ...

Въ окно взглянуть не смѣла я —
Увидятъ — забранятъ!...
Я черноносыхъ, лапчатыхъ
Качаю горбунятъ...

Цвѣтутъ тюльпаны синіе
Въ лазоревомъ краю...
Тамъ кто-нибудь на дудочкѣ
Доплачетъ пѣснь мою!

Ты меня, мое солнце,
Все равно не согрѣешь,
Ты горишь слишкомъ тихо —
Я хочу слишкомъ знойно!

Ты меня, мое сердце,
Все равно не услышишь,
Ты стучишь слишкомъ звонко —
Я зову слишкомъ робко!

Ты меня, мое счастье,
Все равно не утѣшишь,
Ты солжешь слишкомъ нѣжно —
Я пойму слишкомъ горько!

Ты меня, мой любимый,
Все равно не полюбишь,
Я горю слишкомъ ярко —
Ты возьмешь слишкомъ просто!

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ

Перешагни, перескачи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнемъ изъ пращи,
Звѣздой, сорвавшейся въ ночи...
Самъ затерялъ — теперь ищи...

Богъ знаетъ, что себѣ бормочешь,
Ища пенснэ или ключи.

Странникъ прошелъ, опираясь на посохъ, —
Мнѣ почему-то припомнилась ты.
Ѣдетъ пролетка на красныхъ колесахъ —
Мнѣ почему-то припомнилась ты.
Вечеромъ лампу зажгутъ въ коридорѣ, —
Мнѣ непремѣнно припомнишься ты.
Что бъ ни случилось, на сушѣ, на морѣ,
Или на небѣ, — мнѣ вспомнишься ты.

БАЛЛАДА

Сижу, освѣщаемый сверху,
Я въ комнатѣ круглой моей.
Смотрю въ штукатурное небо
На солнце въ шестнадцать свѣчей.

Кругомъ — освѣщенные тоже,
И стулья, и столъ, и кровать,
Сижу — и въ смущеньи не знаю,
Куда бы мнѣ руки дѣвать.

Морозныя бѣлыя пальмы
На стеклахъ беззвучно цвѣтутъ.
Часы съ металлическимъ шумомъ
Въ жилетномъ карманѣ идутъ.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мнѣ повѣдать, какъ жалко
Себя и всѣхъ этихъ вещей?

И я начинаю качаться,
Колѣни обнявши свои,
И вдругъ начинаю стихами
Съ собой говорить въ забытьи.

Безсвязныя, страстныя рѣчи!
Нельзя въ нихъ понять ничего,
Но звуки правдивѣе смысла,
И слово сильнѣе всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается въ пѣнье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзаетъ меня лезвіе.

Я самъ надъ собой выростаю,
Надъ мертвымъ встаю бытіемъ,
Стопами въ подземное пламя,
Въ текучія звѣзды челомъ.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть можетъ, змѣи —
Какъ пѣнію дикому внемлютъ
Несчастныя вещи мои.

И въ плавный, вращательный танецъ
Вся комната мѣрно идетъ,
И кто-то тяжелую лиру
Мнѣ въ руки сквозь вѣтеръ даетъ.

И нѣтъ штукатурнаго неба
И солнца въ шестнадцать свѣчей:
На гладкія черныя скалы
Стопы опираетъ — Орфей.

СЛѢПОЙ

Палкой щупая дорогу,
Бродитъ наугадъ слѣпой,
Осторожно ставитъ ногу
И бормочетъ самъ съ собой.
А на бѣльмахъ у слѣпого

Цѣлый міръ отображенъ:
Домъ, лужокъ, заборъ, корова,
Клочья неба голубого —
Все, чего не видитъ онъ.

ХРАНИЛИЩЕ

По заламъ прохожу лѣниво,
Претитъ отъ истинъ и красотъ.
Еще невиданныя дива,
Признаться, знаю напередъ.

И какъ-то тяжко, больно даже
Душою жить — который разъ? —
Въ кому-то снившемся пейзажѣ,
Въ когда-то промелькнувшій часъ.

Все бьется человѣчій геній:
То вверхъ, то внизъ. И то сказать:
Отъ восхожденій и паденій
Ужъ позволительно устать.

Нѣтъ! полно! Тяжелѣютъ вѣки
Предъ вереницею Мадонъ, —
И такъ отрадно, что въ аптекѣ
Есть кисленькій пирамидонъ.

ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ

Nel mezzo del cammin di nostra vita

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вонъ тотъ — это я?
Развѣ мама любила такого,
Желтосѣраго, полусѣдого
И всезнающаго, какъ змѣя?

Развѣ мальчикъ, въ Останкинѣ лѣтомъ
Танцовавшій на дачныхъ балахъ, —
Это я, тотъ, кто каждымъ отвѣтомъ
Желторотымъ внушаетъ поэтамъ
Отвращеніе, злобу и страхъ?

Развѣ тотъ, кто въ полночные споры
Всю мальчишечью вкладывалъ прыть, —
Это я, тотъ же самый, который
На трагическіе разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочемъ — такъ и всегда на срединѣ
Рокового земного пути:
Отъ ничтожной причины — къ причинѣ,
А глядишь — заплутался въ пустынѣ,
И своихъ же слѣдовъ не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижскій чердакъ загнала.
И Виргилія нѣтъ за плечами, —
Только есть одиночество въ рамѣ
Говорящаго правду стекла.

Сквозь ненастный зимній денекъ
— У него сундукъ, у нея мѣшокъ —

По паркету парижскихъ лужъ
Ковыляютъ жена и мужъ.

Я за ними долго шагалъ,
И пришли они на вокзалъ.
Жена молчала и мужъ молчалъ.

И о чемъ говорить, мой другъ?
У нея мѣшокъ, у него сундукъ...
Съ каблукомъ топоталъ каблукъ.

БѢДНЫЯ РИФМЫ

Всю недѣлю надъ мелкой поживой
Задыхаться, тощать и дрожать,
По субботамъ съ женой некрасивой
Надъ бокаломъ, обнявшись, дремать,

Въ воскресенье на чахлую траву
Ѣхать въ поѣздѣ, пледъ разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый разъ въ этомъ всемъ находить,

И обратно тащить на квартиру
Этотъ пледъ, и жену, и пиджакъ,
И ни разу по пледу и міру
Кулакомъ не ударить вотъ такъ, —

О, въ такомъ непреложномъ законѣ,
Въ заповѣдномъ смиреньи такомъ
Пузырьки только могутъ въ сифонѣ,
Вверхъ и вверхъ, пузырекъ съ пузырькомъ.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ

ВѢДЬ, ТОЛЬКО ТЫ ОДНА!

Ни одного цвѣтка, ни одного листка.
Заосенѣлъ мой садъ. Въ моемъ саду тоска.

Взадъ и впередъ хожу, по сторонамъ гляжу.
О чемъ подумаю, тебѣ сейчасъ скажу.

Вѣдь, только ты одна всегда, всегда нѣжна,
Въ печальной осени душѣ всегда нужна.

И только стоитъ мнѣ взглянуть въ глаза твои —
Опять весна пришла и трелятъ соловьи.

И на устахъ моихъ затепленъ юный стихъ
Отъ прикасанія живящихъ устъ твоихъ.

И пусть въ саду пустомъ ни одного цвѣтка,
И пусть въ бокалѣ нѣтъ ни одного глотка,

И пусть въ столѣ моемъ нѣтъ ни одной строки, —
Жду мановенія твоей благой руки!

НА МОНАСТЫРСКОМЪ ЗАКАТѢ

Если закатъ въ позолотѣ,
Душно въ святомъ терему.
Гдѣ умерщвленье для плоти
Въ плоти своей же возьму?

Духъ воскрыляю свой въ небо...
Слабыя тщетны мольбы:
Всѣ, кто вкусили отъ хлѣба,
Плоти навѣки рабы.

Эти цвѣты, эти птицы,
Запахи, неба кайма,
Что теплотой золотится,
Попросту сводятъ съ ума...

Мы и въ трудахъ своихъ праздны, —
Смилуйся и пожалѣй!
Самъ ты разсыпалъ соблазны
Въ дивной природѣ своей...

Гдѣ-жъ умерщвленье для плоти
Въ духѣ несильномъ найду?
Если закатъ въ позолотѣ —
Невыносимо въ саду...

Соловьи монастырскаго сада,
Какъ и всѣ на землѣ соловьи,
Говорятъ, что одна есть отрада,
И что эта отрада — въ любви...

И цвѣты монастырскаго луга
Съ лаской, свойственной только цвѣтамъ,
Говорятъ, что одна есть заслуга:
Прикоснуться къ любимымъ устамъ...

Монастырскаго лѣса озера,
Переполненныя голубымъ,
Говорятъ, нѣтъ лазурнѣе взора,
Какъ у тѣхъ, кто влюбленъ и любимъ.

ВЪ ПУТИ

Иду, и съ каждымъ шагомъ рьянѣй
Верста къ верстѣ — къ звену звено.
Кто я? Я Игорь Сѣверянинъ,
Чье имя смѣло, какъ вино!

И въ горлѣ спазмы упоенья,
И волоса на головѣ
Приходятъ въ дивное движенье,
Какъ было нѣкогда въ Москвѣ...

Тамъ были церкви златоглавы
И души хрупотнѣй стекла.
Тамъ жизнь моя въ расцвѣтѣ славы,
Въ расцвѣтѣ славы жизнь текла.

Вспѣненная и золотая!
Онъ горекъ, мутный твой отстой.
И самъ себѣ себя читая,
Версту глотаю за верстой!

ЗОВУЩАЯСЯ ГРУСТЬЮ

Какъ женщина пожившая, но все-же
Плѣнительная въ устали своей,
Изъ алыхъ листьевъ клена взбила ложе
Та, кто зовется Грустью у людей...

И прилегла — и грѣшно, и лукаво
Печалью страсти гаснущей влеча.
Необходимъ душѣ моей — какъ слава! —
Изгибъ ея осенняго плеча....

Пѣть о веснѣ смолкаемъ мы съ годами:
Чѣмъ ближе къ старости, тѣмъ все яснѣй,
Что сердцу ближе весенъ съ ихъ садами
Несытая пустынность осеней...

ЗАОЧНОСТЬ

Кастальскому току,
Взаимность, заторовъ не ставь!
Заочность: за окомъ
Лежащая, вящая явь.

Заустно, заглазно
Какъ нѣкое долгое là
Межъ ртомъ и соблазномъ
Версту разстоянія для. . .

Блаженны длинноты,
Широты забвеній и зонъ!
Пространствомъ какъ нотой
Въ тебя удаляясь, какъ стонъ

Въ тебѣ удлиняясь,
Какъ эхо въ гранитную грудь
Въ тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь —

Не надо мнѣ бѣлымъ
По черному — мѣломъ доски!
Почти за предѣломъ
Души, за предѣломъ тоски —

. . . Словеснаго чванства
Послѣдняя карта сдана.
Пространство, пространство
Ты нынче — глухая стѣна!

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Какъ живется вамъ съ другою, —
Проще вѣдь? — Ударъ весла! —
Линіей береговою
Скоро ль память отошла

Обо мнѣ, пловучемъ островѣ
(По небу — не по водамъ!)
Души, души! быть вамъ сестрами,
Не любовницами — вамъ!

Какъ живется вамъ съ *простою*
Женщиною? *Безъ* божествъ?
Государыню съ престола
Свергши (съ онаго сошедъ),

Какъ живется вамъ — хлопочется —
Ежится? Встается — какъ?
Съ пошлиной безсмертной пошлости
Какъ справляетесь, бѣднякъ?

«Судорогъ да перебоевъ —
Хватитъ! Домъ себѣ найму».
Какъ живется вамъ съ любою —
Избранному моему!

Свойственное и съѣдобное —
Снѣдь? Пріѣстся — не пеняй...
Какъ живется вамъ съ подобіемъ —
Вамъ, поправшему Синай!

Какъ живется вамъ съ чужою,
Здѣшнею? Ребромъ — люба?
Стыдъ Зевесовой возжею
Не охлестываетъ лба?

Какъ живется вамъ — здоровится —
Можется? Поется — какъ?
Съ язвою безсмертной совѣсти
Какъ справляетесь, бѣднякъ?

Какъ живется вамъ съ товаромъ
Рыночнымъ? Оброкъ — крутой?
Послѣ мраморовъ Каррары
Какъ живется вамъ съ трухой

Гипсовой? (Изъ глыбы высѣченъ
Богъ — и на́чисто разбитъ!)
Какъ живется вамъ съ сто-тысячной —
Вамъ, познавшему Лилитъ!

Рыночною новизною
Сыты ли? Къ волшбамъ остывъ,
Какъ живется вамъ съ земною
Женщиною, безъ шестыхъ

Чувствъ?
Ну, за голову: счастливы?
Нѣтъ? Въ провалѣ безъ глубинъ —
Какъ живется, милый? Тяжче ли,
Такъ же ли какъ мнѣ съ другимъ?

Тоска по родинѣ! Давно
Разоблаченная морока.
Мнѣ совершенно все равно
Гдѣ — совершенно одинокой

Быть, по какимъ камнямъ домой
Брести съ кошёлкою базарной
Въ домъ, и не знающій, что — мой,
Какъ госпиталь или казарма.

Мнѣ все равно, какихъ среди
Лицъ, ощетиниваться плѣннымъ
Львомъ, изъ какой людской среды
Быть вытѣсненной — непремѣнно —

Въ себя, въ единоличье чувствъ.
Камчатскимъ медвѣдёмъ безъ льдины
Гдѣ не ужиться (и не тщусь!)
Гдѣ унижаться — мнѣ едино.

Не обольщусь и языкомъ
Роднымъ, его призывомъ млечнымъ.
Мнѣ безразлично на какомъ
Непонимаемой быть встрѣчнымъ!

(Читателемъ, газетныхъ тоннъ
Глотателемъ, доильцемъ сплетенъ. . .)
Двадцатаго столѣтья — онъ,
А я — до всякаго столѣтья!

Остолбенѣвши, какъ бревно
Оставшееся отъ аллеи,
Мнѣ всѣ — равны, мнѣ всё — равно,
И, можетъ быть, всего равнѣе

Роднѣе бывшее всего.
Всѣ признаки съ меня, всѣ мѣты,
Всѣ даты — какъ рукой сняло!
Душа, родившаяся — гдѣ-то.

Такъ край меня не уберегъ
Мой, что и самый зоркій сыщикъ
Вдоль всей души, всей — поперекъ!
Родимаго пятна не сыщетъ.

Всякъ домъ мнѣ чуждъ, всякъ храмъ мнѣ
пустъ,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дорогѣ кустъ
Встаетъ, особенно: рябина...

ШКОЛА СТИХА

Глыбами лбу
Лавры похвалъ.
Пѣть не могу!
— Будешь! — Пропалъ

(На толокно
Переводи!)
Какъ молоко
Звукъ — изъ груди.

Пусто, суха:
Въ полную веснь
Чувство сука.
— Старая пѣснь!

Брось, не морочь!
— Лучше мнѣ впредь
Камень толочь.
— Тутъ-то и пѣть!

Ná-зло врагу.
— Коли двухъ строкъ
Свесть не могу!
— Кто когда *могъ?!*

— Чтó я, снигирь,
Чтобъ день деньской
Пѣть? — Не моги,
Пташка, а пой!

— Пытка! — Терпи.
— Скошенный лугъ —
Глотка. — Хрипи:
Тоже вѣдь — звукъ!

— Львовъ, а не женъ
Дѣло. — *Дѣтей:*
Распотрошенъ
Пѣлъ же — Орфей!

— Такъ и въ гробу?
— И подъ доской.
. . . .
— Пѣть не могу!
— Это воспой.

РОЛАНДОВЪ РОГЪ

Какъ бѣдный шутъ о зломъ своемъ уродствѣ,
Я повѣствую о своемъ сиротствѣ:
За княземъ — родъ, за серафимомъ — сонмъ,
За каждымъ — тысячи такихъ, какъ онъ,
Чтобъ пошатнувшись — на живую стѣну
Упалъ и зналъ — что тысячи на смѣну!

Солдатъ — полкомъ, бѣсъ — легiономъ гордъ,
За воромъ — сбродъ, а за шутомъ — всё горбъ.

Такъ, наконецъ, усталая держаться
Сознаньемъ: долгъ и назначеньемъ: драться
— Подъ свистъ глупца и мѣщанина смѣхъ —
Одна за всѣхъ — изъ всѣхъ — противу всѣхъ,
Стою и шлю, закаменѣвъ отъ взлету,
Сей громкiй зовъ въ небесныя пустоты.

И сей пожаръ въ груди — тому залогъ,
Что нѣкiй Карлъ тебя услышитъ, Рогъ!

ПАУТИНКА

Это трепетный стихъ мнѣ звенитъ, смѣясь. . .
Паутинка на солнцѣ виситъ, золотясь.
О, ты тонкая, тайная, тихая связь,

Ты вплетаешься въ міра прозрачную вязь,
Золотясь, серебрясь, то на мигъ таясь

И темнѣя незримо, то явно віясь,
А потомъ ниспадешь на землю

И смѣшавшись съ пыльной и сѣрой землей,
Покрываешься ею какъ червь земляной. . .

То не легкій ли образъ судьбы людской?
Золотись, гори, а потомъ на покой
Въ сѣрую влажную землю!

Благословляю малый даръ,
Скупой огонь, возженный Богомъ,
Его питаетъ сердца жаръ,
Но не разжечь въ большой пожаръ
Его ни бурямъ, ни тревогамъ.

Благословляю тайный знакъ
Далекой красоты духовной.
Мой уголекъ, мой алый макъ.
Не отъ него ли сердце такъ
Тревожно бьется и неровно?

О чемъ-то свѣтломъ все еще мнѣ снится.
Надеждой замыкаю каждый день.
Но вотъ уже мнѣ на руки ложится
Еще не близкой ночи тѣнь.

Какъ прежде вѣрю: будетъ все иное.
Но изрѣдка ужъ прозрѣваю я:
Все то, что было въ жизни здѣсь со мною —
Судьба моя и жизнь моя!

Теплый вѣтеръ вѣетъ съ юга,
Умираетъ человѣкъ.
Это вьюга, это вьюга,
Это вьюга крутитъ снѣгъ.

«Пожалѣй меня, подруга,
Такъ ужасно умирать!»
Только вѣтеръ вѣетъ съ юга
Да и словъ не разобрать.

— Тотъ блаженъ, кто умираетъ,
Тотъ блаженъ, кто обреченъ,
Въ мигъ, когда онъ все теряетъ
Все пріобрѣтаетъ онъ.

«Пожалѣй меня, подруга!»
И уже ни капли силъ.
Теплый вѣтеръ вѣетъ съ юга
Съ бѣлыхъ камней и могилъ.
Заметаетъ быстро вьюга
Все, что въ мірѣ я любилъ.

Черная кровь изъ открытыхъ жилъ
И ангелъ, какъ птица, крылья сложилъ...
Это было на слабомъ, весеннемъ льду
Въ девятьсотъ двадцатомъ году.

Дай мнѣ руку, иначе я упаду —
Такъ скользко на этомъ льду.

Надъ широкой Невой догоралъ закатъ,
Цѣпенѣли дворцы, чернѣли мосты —
Это было тысячу лѣтъ назадъ
Такъ давно, что забыла ты.

Холодно бродить по свѣту,
Холоднѣй лежать въ гробу,
Помни это, помни это
Не кляни свою судьбу.

Ты еще читаешь Блока,
Ты еще глядишь въ окно,
Ты еще не знаешь срока —
Все неясно, все жестоко,
Все навѣкъ обречено.

И конечно жизнь прекрасна
И конечно смерть страшна,
Отвратительна, ужасна,
Но всему одна цѣна.

Помни это, помни это —
Каплю жизни, каплю свѣта...

«Донна Анна! Нѣтъ отвѣта.
Анна, Анна! Тишина».

Страсть? А если нѣтъ и страсти?
Власть? А если нѣтъ и власти
Даже надъ самимъ собой?

Что же дѣлать мнѣ съ тобой.

Только не гляди на звѣзды
Не грусти и не влюбляйся
Не читай стиховъ пѣвучихъ
И за счастье не цѣпляйся —
Счастья нѣтъ, мой бѣдный другъ.
Счастье выпало изъ рукъ,
Камнемъ въ морѣ утонуло
Рыбкой золотой плеснуло
Льдинкой уплыло на югъ.

Счастья нѣтъ и мы не дѣти.
Вотъ и надо выбирать —
Или жить какъ всѣ на свѣтѣ
Или умирать.

Синеватое облако
(Холодокъ у виска)
Синеватое облако
И еще облака...

И старинная яблоня
(Можетъ быть подождать?)
Простодушная яблоня

Зацвѣтаетъ опять.
Все какое то русское —
(Улыбнись и нажми!)
Это облако узкое
Словно лодка съ дѣтьми

И особенно синяя
(Съ первымъ боемъ часовъ...)
Безнадежная линія
Безконечныхъ лѣсовъ.

Передъ тѣмъ, какъ умереть
Надо же глаза закрыть.
Передъ тѣмъ, какъ замолчать,
Надо же поговорить.

Звѣзды разбиваютъ ледъ,
Призраки встаютъ со дна —

Слишкомъ быстро настаетъ
Слишкомъ нѣжная весна.

И касаясь торжества,
Превращаясь въ торжество,
Разсыпаются слова
И не значатъ ничего.

Душа человѣка. Такою
Она не была никогда.
На небо глядѣла съ тоскою
Взволнована, зла и горда

И вотъ умираетъ. Такъ ясно,
Такъ просто сгорая до тла —
Легка, совершенна, прекрасна,
Нетлѣнна, блаженна, свѣтла.

Сіянье. Душа человѣка,
Какъ лебедь, поетъ и груститъ,
И, крылья раскинувъ широко,
Надъ бурями темнаго вѣка
Въ беззвѣздное небо летитъ.

Надъ бурями темнаго Рока
Въ сіянье. Всего не успѣть...
Дымъ тянется... Слѣдъ остается...

И полною грудью поется,
Когда уже не о чемъ пѣть.

Былъ замыселъ странно-порочен
И все-таки жизнь подняла
Въ туманѣ холодныя очи
И два лебединыхъ крыла.

И все-таки тѣни качнулись —
Пока оплывала свѣча —
И все-таки струны рванулись
Безсмысленнымъ счастьемъ звуча.

О высокъ, весна, высокъ твой синій теремъ,
Твой душистый клеверъ полевой.
О далекъ твой путь за звѣздами на сѣверъ,
Снѣжный вѣтеръ, бѣлый вѣеръ твой.

Вьется голубокъ. Надежда улетаетъ.
Катится клубокъ. . . О какъ земля мала.
О глубокъ твой снѣгъ, и никогда не таетъ, —
Слишкомъ мало на землѣ тепла.

Только звѣзды. Только синій воздухъ —
Синій, вѣчный, ледяной.
Синій, грозный, сине-звѣздный,
Надъ тобой и надо мной.

Тише, тише. За полярнымъ кругомъ
Спятъ, не разнимая рукъ,
Съ вѣрнымъ другомъ, съ неразлучнымъ другомъ
Съ мертвымъ другомъ, мертвый другъ.

Имъ спокойно вмѣстѣ, имъ блаженно рядомъ...
Тише, тише. Не дыши.
Это только звѣзды надъ пустыннымъ садомъ,
Только синій свѣтъ твоей души.

Жизнь безсмысленную прожилъ
На вѣтру и на юру.
На минуту — будто ожилъ...
Что тамъ. Полѣзай въ дыру.

Онъ, не споря, покорился
И теперь въ землѣ навѣкъ.
Такъ ничѣмъ не озарился
Скудный трудъ и краткій вѣкъ.
Но... тоскуетъ человѣкъ.

И ему въ землѣ не спится
Или снится скверный сонъ.

Въ домѣ скрипнетъ половица,
На окошко сядетъ птица,
Въ стѣнкѣ хрустнетъ. Это — онъ.

И тому, кто въ домѣ, жутко
И ему — охъ! — тяжело.
А была одна минутка.
Могъ поймать. Не повезло.

НИКОЛАЙ ОЦУПЪ

Ты говорила: мы не въ ссорѣ,
Мы стать чужими не могли,
Зачѣмъ же между нами море
И города чужой земли?

Но скоро твой печальный голосъ
Порывомъ вѣтра отнесло,
Твое лицо и свѣтлый волосъ
Забвеніе заволокло.

И прошлое уничтожая
Своимъ широкимъ колесомъ,
Прошелъ автобусъ, — и чужая
Страна простерлась за окномъ.

Обыкновенный иностранецъ,
Я дѣльно время провожу:
Я изучаю модный танецъ,
Въ кинематографъ я хожу.

Летитъ корабль. Мелькаетъ пѣна.
Тебя увижу я сейчасъ.
Но это только сонъ: измѣна
Навѣки разлучила насъ.

Въ бѣлой дачѣ надъ синимъ заливомъ
Душно спать отъ безчисленныхъ розъ.
Очень ясно, съ двойнымъ перерывомъ,
Вдалекѣ просвистѣлъ паровозъ.

Тамъ проходятъ пустыми полями,
Надъ которыми мѣсяцъ зажженъ,
Вереницы груженныхъ дровами.
И одинъ санитарный вагонъ.

Слабо тянетъ карболкой и іодомъ
— Умираю, спаси, пожалѣй!
Но цвѣты подъ лазоревымъ сводомъ
Охраняютъ уснувшихъ людей.

Не диво — радіо: надъ океаномъ
Безшумно пробѣгающій паукъ;
Не диво — городъ: подъ аэропланомъ
Распластанныя крыши; только стукъ,

Стукъ сердца нашего обыкновенный,
Жизнь сердца безъ начала, безъ конца —
Единственное чудо во вселенной,
Единственно достойное Творца.

Какъ хорошо, что въ мірѣ мы какъ дома
Не у себя, а у Него въ гостяхъ;

Что жизнь неуловима, невѣсома,
Таинственна, какъ музыка впотьмахъ.

Какъ хорошо, что нашими руками
Мы строимъ только годное на сломъ.
Какъ хорошо, что мы не знаемъ сами
И никогда, быть можетъ, не поймемъ

Всего, что отражаетъ жизнь земная,
Что выше упоенія и мукъ,
О чемъ лишь сердца непонятный стукъ
Разсказываетъ намъ, не уставая.

Еще не разъ удача улыбнется,
Какъ цифра подходящая въ лото,
Еще любовью мучиться придется
И думать и писать, а дальше что?

А дальше? .. дальше — на твоей могилѣ
Сравняется земли разрытый пластъ,
И будетъ вѣтеръ и круженье пыли
И все, что говорилъ Экклезіастъ.

И твоему потомку будетъ ново
Любить какъ ты и видѣть тѣ же сны,
Другъ, если продолженья нѣтъ другого,
Подумай, до чего же мы бѣдны.

За конторкой бюро,
У прилавка бистро,
Въ камерѣ Г. П. У.
И на свѣтскомъ балу

И свободные и несвободные
Всѣ мы сердцемъ и жребіемъ сходные.

Отдается въ наемъ,
Продается на сломъ,

Разрушаются стѣны кирпичныя,
Повторяются сцены обычныя. . .

Эти ночи въ звѣздахъ,
Эти сны о деньгахъ,

Эти граждане, эти правительства,
Эти подвиги, эти мучительства

И о счастьи своемъ
Разговоры вдвоемъ.

Измученный, счастливый и худой
Подснѣжникъ расправляется весной.

Онъ весь — изнеможеніе и нѣга.
И такъ его не грубы лепестки,

Какъ умирающія хлопья снѣга,
Какъ выраженіе твоей руки..

Все, что себя любить повелѣваетъ
За чудо слабости и чистоты, —
Власть надо мной твою напоминаетъ:
Какъ ты сильна, какъ беззащитна ты.

Отъ жалости ко мнѣ твоей
И нѣжности почти сквозь слезы
И оттого, что ты прямѣй,
Чѣмъ длинный стебель южной розы,

И потому, что съ дѣтскихъ лѣтъ
Ты любишь музыку и свѣтъ, —

Съ тобою, ангелъ нелюдимый,
Я самъ преображаюсь весь,
Какъ будто и въ поминѣ здѣсь —

Обиды нѣтъ неизгладимой,
Болѣзни нѣтъ неизлѣчимой,
Нѣтъ гибели неотвратимой.

Мелкій ходъ часовъ моихъ земныхъ
Нѣжными руками передвинуть.
Безъ тебя въ пространствахъ ледяныхъ
На кого же былъ бы я покинутъ?

Если ты умрешь, пока я живъ,
Или отъ меня уйдешь къ другому,
Это будетъ только перерывъ,
Быть уже не можетъ по иному.

Съ жалостью, единственной и тамъ —
Ты вездѣ собою остаешься —
Если голосъ я тебѣ подамъ, —
Неужели ты не отзовешься?

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ

За слово, что помнилъ когда-то
И послѣ навѣки забылъ,
За все, что въ сгораньяхъ заката
Искалъ ты, и не находилъ,

И за безысходность мечтанья,
И холодъ, растущій въ груди,
И медленное умиранье
Безъ всякихъ надеждъ впереди,

За бѣлое имя спасенья,
За темное имя любви
Прощаются всѣ прегрѣшенья
И всѣ преступленья твои.

Ну вотъ и кончено теперь. Конецъ.
Легко и просто, грубо и уныло.
А вѣдь изъ человѣческихъ сердецъ
Такихъ, мнѣ кажется, не много было.

Но что ему мерещилось? О чемъ
Онъ вспоминалъ, повѣря сну пустому?
Какъ на большой дорогѣ, подъ дождемъ,
Подъ леденящимъ вѣтромъ. . . къ дому, къ дому.

Ну, вотъ и дома. Узнаешь? Конецъ.
Все ясно. Остановка. Окончанье.
А вѣдь изъ человѣческихъ сердецъ. . .
И это обманувшее сіянье!

Одинъ сказалъ: «Намъ этой жизни мало»,
Другой сказалъ: «Недостижима цѣль».
А женщина привычно и устало,
Не слушая, качала колыбель.

И стертыя веревки такъ скрипѣли,
Такъ умолкали — каждый разъ нѣжнѣй —
Какъ будто ангелы ей съ неба пѣли
И о любви бесѣдовали съ ней.

Безлуннымъ вечеромъ, въ гостиницѣ, вдвоемъ,
На грубыхъ простыняхъ привычно засыпая. . .
Мечтатель, гдѣ твой міръ? Скиталецъ, гдѣ твой домъ?
Не поздно ли искать искусственнаго рая?

Осенній крупный дождь стучится у окна.
Обои движутся подъ неподвижнымъ взглядомъ.
Кто эта женщина? Зачѣмъ молчитъ она?
Зачѣмъ лежитъ она сейчасъ со мною рядомъ?

Осеннимъ вечеромъ, Богъ знаетъ гдѣ, вдвоемъ,
Въ удушіи духовъ, надъ облаками дыма...
О томъ, что мы умремъ. О томъ, что мы живемъ.
О томъ, какъ страшно все. И какъ непоправимо.

Патронъ за стойкою глядитъ привычно-сонно,
Гарсонъ у столика подводитъ блюдцамъ счетъ...
Настойчиво, назойливо, неугомонно
Одно съ другимъ — огонь и дымъ — борьбу
ведетъ.

Не для любви любить, не отъ вина быть
пьянымъ.
Что знаетъ человѣкъ, который самъ не свой?
Онъ усмѣхается надъ допитымъ стаканомъ,
Онъ что-то говоритъ, качая головой.

«За непришедшую! И за конецъ разлуки,
За вечеръ у огня, за руки на плечѣ.
Еще, за ангела... и тѣ, иные звуки...
Летѣлъ, полуночью... за небо, вообще!»

Онъ проигралъ игру — онъ за нее отвѣтилъ.
Пора и по домамъ. Надежды никакой.
— И безпощадно бѣлъ, неумолимо свѣтелъ,
День занимается въ полоскѣ ледяной.

Тамъ гдѣ нибудь, когда нибудь,
У склона горъ, на берегу рѣки,
Или за дребезжащею телѣгой,
Бредя привычно, подъ косымъ дождемъ,
Подъ низкимъ, бѣлымъ, безконечнымъ небомъ,
Иль много позже, много, много дальше,
Не знаю, что, не понимаю, какъ,
Но гдѣ нибудь, когда нибудь, навѣрно.

Ни съ кѣмъ не говори. Не пей вина.
Оставь свой домъ. Оставь сестру и брата,
Оставь людей. Твоя душа должна
Почувствовать — къ былому нѣтъ возврата.

Былое надо разлюбить. Потомъ
Настанетъ время разлюбить природу,
И быть все безразличнѣй, день за днемъ,
Недѣлю за недѣлей, годъ отъ году.

И медленно умрутъ твои мечты,
И будетъ тьма кругомъ. И въ жизни новой
Отчетливо тогда увидишь ты
Крестъ деревянный и вѣнокъ терновый.

Подъ вѣтками сирени сгнившей,
Не слыша лести и обидъ,
Всему далекій, все забывшій,
Онъ наконецъ спокойно спитъ.

Пустынно тихое кладбище,
Просторенъ тихій небосклонъ,
И воздухъ съ каждымъ днемъ все чище,
И съ каждымъ днемъ все глубже сонъ.

А ты, заботливой рукою
Сюда принесшая цвѣты, —
Зачѣмъ кощунственной мечтою
Себя обманываешь ты?

Въ конторѣ душной, гдѣ стекло
Табачной мглой заволокло,
Писецъ бумагъ, чего ты ждешь?
Тебѣ какая снится ложь?
Зачѣмъ вздымаешь ты глаза;
Зачѣмъ блеснула въ нихъ слеза?

Ужель ты думаешь, дружокъ,
Что взоръ, пройдя сквозь потолокъ,
И, перейдя за облака,
Увидитъ райскіе шелка?
Иль ты мечтаешь тамъ найти
Вѣнецъ — уставшему въ пути?

Ты говоришь: тамъ нѣжный зной. . .
Тамъ — только вѣтеръ ледяной.
Тамъ — ледяной и тусклый свѣтъ,
И непрерывный вой планетъ,
И звѣздамъ тяжело итти
Въ потокѣ млечнаго пути.

А это я сказалъ затѣмъ
Тебѣ, дружокъ, и прочимъ всѣмъ,
Что долго я смотрѣлъ — туда,
И заблудился навсегда,
И оттого, что горше нѣтъ
Той жизни, что живетъ поэтъ.

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

Подъ лампой электрической
Съ улыбкой истерической
Въ подушку головой.

Подстрѣленная птица.
Нѣтъ, это только снится,
Нѣтъ, это скверный сонъ...

И казино, и Ницца,
И звѣздный небосклонъ.

И все жъ она гордится
Богатствомъ и собой
И горькою судьбой.
Она такая странная,
Прелестная и пьяная —
И вдребезги стаканъ.

— Вы изъ далекихъ странъ?
Вамъ хочется любить?
Вамъ хочется пожить
На маленькой землѣ
Въ печали и теплѣ?

По улицамъ мы медленно идемъ,
Какъ хорошо! Идемъ, молчимъ вдвоемъ,

И видимъ Сену, дерево, заборъ
И облака... А этотъ разговоръ

Отложимъ мы на завтра, на потомъ,
На послѣзавтра, на когда умремъ.

Теперь ужъ скоро мы пріѣдемъ,
Надъ бѣлой дачей вспыхнетъ флагъ,
И всѣмъ сосѣдкамъ и сосѣдямъ
И всѣмъ лисицамъ и медвѣдямъ
Извѣстенъ будетъ каждый шагъ.

Безвыѣздно на бѣлой дачѣ
Мы проживемъ за годомъ годъ,
Не будемъ рады мы удачѣ,
Да вѣдь она и не придетъ...

Но ты не слушаешь, ты плачешь,
По-дѣтски открывая ротъ.

Вѣчность? Но вѣчности нѣтъ.
Счастье? Но счастья не будетъ.

Мы прожили столько лѣтъ,
А жизнь нашу всякій осудитъ.

Осудитъ сейчасъ и потомъ,
Когда насъ не будетъ на свѣтѣ,
За сложное въ самомъ простомъ,
За музыку въ каждомъ предметѣ,
За вѣрность вездѣ и всегда
И даже за дѣтскость нрава.

— Судите же насъ, господа,
Судить вы имѣете право.

ДОНЪ-АМИНАДО

АВГУСТЪ

Тяжкія грозди лициній,
Утро, симфонія свѣта.
Воздухъ прозрачный и синій,
Воздухъ парижскаго лѣта.

Прѣлые запахи тлѣна,
Нѣжная сладость земного.
Легкая, смертная пѣна,
Горечь безсильнаго слова.

Развѣ не чуютъ, что вѣтеръ
Съ русской, безкрайной равнины
Вихремъ взмететъ эти розы,
Стебли, газоны, куртины,

Станетъ въ слѣпомъ сладострастьѣ
Въ страшномъ припадкѣ удушья,
Рвать и топтать это счастье,
Мстить за предѣлъ равнодушья,

Лишь бы, сломавъ, уничтоживъ,
Вольно гулять по пустынѣ,
Сыпля на смертное ложе
Хрупкія грозди лициній!

УѢЗДНАЯ СИРЕНЬ

Какъ разсказать минувшую весну,
Забытую, далекую, иную,
Твое лицо, прильнувшее къ окну,
И жизнь свою, и молодость былую.

Какъ разсказать дорогу и ухабъ,
Наполненный весеннею водою,
Мельканье селъ и кумачёвыхъ бабъ,
И мужиковъ съ козлиной бородою.

Была весна, которой не вернуть.
Коричневыя, голыя деревья.
И полыхъ водъ особенная муть,
И радость птицъ, мѣняющихъ кочевья.

Апрѣльскій холодъ. Сѣрость. Облака.
И комъ земли, изъ подъ копытъ летящій.
И этотъ темный глазъ коренника,
Испуганный, и влажный, и косящій.

О, помню, помню! . . Рявкнулъ паровозъ,
Запахло мятой, копотью и дымомъ,
Тѣмъ запахомъ, волнующимъ до слезъ,
Единственнымъ, роднымъ, неповторимымъ,

Той свѣжестью набухшаго зерна
И пыльною, уѣздною сиренью,
Которой пахнетъ русская весна,
Пріученная къ позднему цвѣтенью.

ВЛАДИМІРЪ ЗЛОБИНЪ

Когда, неживая, она взойдетъ,
Какъ мстительный призракъ, изъ бездны водъ,

Сдѣлай усиліе надъ собой,
Окна и двери плотнѣй закрой.

Все позабудь, ничего не жди,
Что бъ ни случилось, не выходи.

Знаешь, какъ лунныя сѣти крѣпки,
Какъ впивчивы лунные пауки,

Въѣдчивъ зеленый паучій ядъ.
Душа леденѣетъ, уста горятъ. . .

Изступленно-тиха, безстрастно-нѣжна,
Все будетъ манить тебя она. . .

Не спишь, и такъ близко, такъ ясно,
Такъ тихо, нежданно, безъ словъ:
«О, вспомни, пойми — все напрасно,
Ты проклятъ навѣки вѣковъ»

Молчанье. Глаза закрываю.
Бѣжать? Но куда убѣгу!

И плачу и что то считаю
И все сосчитать не могу.

Пустотъ неподвижныхъ громады,
Безсмысленныхъ цифръ торжество.
И нѣтъ ни конца ни пощады,
Ни зла ни добра — ничего.

Есть законъ — о немъ никто не знаетъ,
Тайна есть — ее не объяснить.
Бѣдная душа не понимаетъ,
Все не вѣритъ, что нельзя любить.

Все еще ей слышится: любите.
Полюби, попробуй — навсегда.
Оборвутся всѣ живыя нити,
Вспыхнутъ и сгорятъ, какъ провода.

И во тьмѣ, внезапно наступившей,
Ты одинъ останешься навѣкъ.
Берегись, земное полюбившій,
Счастья пожелавшій человѣкъ!

Е. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА

И въ покаяньи есть веселье, —
О, горькое! Какъ бы съ вершинъ
Бросаешь камни въ глубь ущелья,
И остается духъ одинъ.

Изъ пропасти доходитъ глухо
Тревожный ропотъ въ высоту.
Терзаетъ обнаженность духа,
И чѣмъ прикроешь наготу?

Не засыпаетъ тяжелая кровь,
Вѣтеръ вздымается острый и рѣзкій,
Древняя родина вспомнилась вновь,
Въ воздухѣ вихри, и трубы, и плески.

Нѣтъ, не насытиться, — только хлебнуть
Хаоса темную мутную брагу.
Древней безсмыслицы пьяная жуть
Тянетъ и мчитъ къ роковому оврагу.

Только коснуться мнѣ. Только припасть
Къ нѣдрамъ, поющимъ про вѣчную смѣну.
Кружатся вихри. Взметается страсть.
Это дорога къ послѣднему плѣну.

Если же хочешь и можешь спасти,
Ты, одолѣвшая древняго змія,
Душу смятенную перекрести
Тихой рукою, Марія.

ВАДИМЪ ГАРДНЕРЪ

ЗАВИРУХА

Елей серебрящихся намёты
Стали и грузнѣе и пышнѣй.
Вновь курятъ глубокіе суметы.
Стружитъ снѣгъ вьюга́ среди полей.

Снова заметь свищетъ и гуляетъ,
И слѣды полозьевъ занесло.
Сѣчень-бѣлоризецъ окунаетъ
Въ звѣздную крестильницу село.

Самъ охочъ до пляски, прятокъ, жмурокъ, —
Надъ парчей змѣящейся куры, —
Полумѣсяцъ изъ-за мглы, что турокъ,
Смотритъ на забаву дѣтворы;

Смутно видитъ сквозь фату мятели
Отраженный въ стеклахъ блескъ свѣчей,
Мишурой мерцающія ели,
Тутъ и тамъ гадающихъ людей.

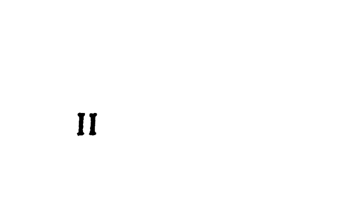
Смотритъ и Медвѣдица Большая,
Изъ-за тучъ взглянувши невзначай,
Какъ скорлупка, въ чашѣ проплывая,
Вдругъ огнемъ зажжетъ бумажки край.

И глазѣютъ вѣдьмы заметухи,
Въ окна изъ-за снѣговыхъ холмовъ,
Какъ на картахъ ворожатъ старухи
И сулятъ «дорогу», «жениховъ»,

«Письма», «хлопоты» и «домъ казенный»;
Видятъ, тѣни воска на стѣнѣ
Гробъ иль челнъ выводятъ плоскодонный,
Трубача на вороно́мъ конѣ...

Вновь разъяснило. Глядятъ Стожары,
Какъ мелькаетъ въ пляскѣ молодежь,
Какъ, подпавъ подъ хмелевыя чары,
Краснорожій бѣсится кутежъ...

Утихаетъ вѣтеръ. Чуть кружится
Снѣгъ вокругъ сугробовъ на поляхъ,
Старъ и младъ, усталый, спать ложится.
Меркнетъ Утренница въ небесахъ.

II

ВАДИМЪ АНДРЕЕВЪ

О грязца неземная трактира!
О безсмертная пыль у воротъ!
Для кого эта голая лира,
Надрываясь, скрипитъ и поетъ?

Вновь шарманки старушечье пѣнье,
Вновь сухія ползутъ облака,
Вновь заборовъ пустое смятенье
И шлагбаумовъ желчь и тоска.

Этотъ міръ — внѣ покоя и срока,
Этотъ міръ неподкупной мечты,
Этотъ міръ — лишь безсонница Блока,
Неотвязный позоръ пустоты.

Безсонница, расширясь, одолѣла
И напрягла тревожный слухъ. Мое
По каплѣ медленно стекаетъ тѣло
Въ неуловимое небытіе.

Касанье чьихъ то невѣсомыхъ пальцевъ.
О влажный холодокъ щеки! Опять
Глухая ночь на старомодныхъ пяльцахъ,
Глухая, начинаетъ вышивать.

6

Шуршанье тьмы и тусклый шелестъ шелка —
И розой выцвѣтшей душа глядитъ,
Какъ ангелъ тряпочкой сметаетъ съ полки
Сухую пыль веселья и обидъ.

ЕКАТЕРИНА БАКУНИНА

На закатѣ лилово-багровыя
Умираютъ съ зарей облака,
Воспаленныя и нездоровыя,
Какъ хмѣльные глаза старика.

Прислонясь къ переплету оконному,
И расплющивши до бѣла носъ,
Я гляжу: вотъ блѣднѣетъ иконная
Позолота и вѣнчикъ изъ розъ.

А когда надъ квадратными крышами
Замигаетъ зеленымъ звѣзда —
Облиняетъ старинная вышивка,
Небеса посѣрѣютъ, уставъ.

Оглянувшись на скучную комнату,
Занавѣской задерну окно
И у складокъ шершавыхъ и вогнутыхъ
Постою, оправляя сукно.

Ущемляетъ тоской непонятною
Пьяныхъ зорей разгульный кутежъ,
Какъ вѣночными яркими пятнами
Погребальный, безвѣстный кортежъ.

Ужасны чужіе глаза
И каменно сжатые рты!
Какія слова мнѣ сказать,
Чтобъ стала съ людьми я на ты?

И утро, и полдень, и день
Прошли. Пламенѣетъ закатъ.
И вотъ уже смертная тѣнь
Ложится на жизненный скатъ.

НИНА БЕРБЕРОВА

Припомни день вчерашній,
— Счастливые года!
Отъ молодости нашей
Ни тѣни, ни слѣда. :.
Но мы еще живучи,
И можемъ повторить
Тотъ шквалъ, тотъ неминучій,
Что удалось прожить.

А помнишь, какъ бывало
Мы разбивались въ кровь?
Начнемъ же все сначала,
И голодъ, и любовь,
Не говори, что силы
У насъ съ тобой не тѣ:
Вотъ міръ, все въ той же милой
И дикой красотѣ.

Пусть ты смирнѣй и глуше,
Пусть я не хороша,
Въ безсонницу подслушай,
Какъ плачется душа.
О чемъ ея рыданье?
Она готова вновь
На вѣчное скитанье,
На нищую любовь.

За погибшую жизнь я хотѣла любить,
За погибшую жизнь полюбить невозможно.
Можно много забыть, можно много простить,
Но нельзя поклониться тому, что ничтожно.

Эта гордость моя не отъ легкихъ удачъ.
Я за счастье покоя платила не мало:
Вѣдь никто никогда не сказалъ мнѣ «не плачь»,
И «прости» никому еще я не сказала.

Гдѣ-то пляшетъ на палкѣ подъ флейту змѣя,
Гдѣ-то слѣпо за колосомъ падаетъ колосъ. . .
Одиночество, царственна поступь твоя,
Непокорность, высокъ твой безжалостный голосъ!

Сложить у ногъ твоихъ весь этотъ страшный
міръ,
Гдѣ уличный пѣвецъ со шляпой насъ обходитъ,
Гдѣ ангелы въ плащахъ, изношенныхъ до дыръ,
Подъ траурнымъ дождемъ по троттуарамъ бро-
дятъ.

Сложить у ногъ твоихъ, на городскихъ камняхъ,
Законъ законовъ всѣхъ и тайну мірозданья,
Весь этотъ дикій міръ въ искусственныхъ огняхъ,
Гдѣ мы живемъ съ тобой, шепча свои желанья.

На свѣтѣ я одна и нѣтъ меня другой,
На свѣтѣ ты одинъ, и нѣтъ тебя другого,
И въ насъ одна любовь, о другъ мой дорогой,
До смерти, до конца. И послѣ смерти снова.

---

8 АВГУСТА 1921 ГОДА

Я помню день тому пять лѣтъ назадъ:
Надъ лѣтнимъ Петербургомъ дождь и вѣтеръ.
Таврическій глухой я помню садъ
И улицы въ передвечернемъ свѣтѣ,

На одѣялѣ первые цвѣты,
Покой и хладъ въ полузакрытомъ взорѣ,
И женщины увядшія черты,
Нѣмѣющей отъ бѣдности и горя.

Я помню день, унылый, долгій день,
Въ передней — плачъ, на лѣстницѣ смятенье,
И надо всѣмъ — нездѣшней жизни тѣнь,
Какъ смертный слѣдъ, исполненный значенья.

И я сама, тому всего пять лѣтъ,
Стояла тамъ и видѣла обоевъ
Рисунокъ пестрый и въ окошкѣ слѣдъ
Дня уходившаго, не успокоивъ.

Пять лѣтъ тому! Куда ушли года
Невозвратимой юности и жара?
Спроси: куда течетъ весной вода?
Спроси: гдѣ отблескъ горняго пожара?

АННА БЕРЛИНЪ

Ночь за оградой сада залегла.
Пока свѣча горѣла, трепетали
На абажурѣ блѣдныя крыла
И вышитыя бабочки летали.
Но догораетъ дачная свѣча.
Послѣднiй взлетъ... любимый дикiй воздухъ.
Пошла заря телѣгами стучать
И дѣловито потушила звѣзды.
Мнѣ бабочекъ недолетѣвшихъ жаль,
На абажурѣ тонкомъ распростертыхъ.
Рисунокъ блѣдный. Ремесла печаль,
Пока огонь не воскреситъ изъ мертвыхъ.

Ночь — женщина, мужчина — день,
Но есть часы — гермафродиты. . .
Вотъ этотъ часъ: ни свѣтъ, ни тѣнь,
Въ немъ нѣжность и суровость слиты. . .

Вотъ этотъ часъ: двуполый онъ,
Ни теменъ и ни свѣтелъ воздухъ. . .
Не спишь, но созерцаешь сонъ,
Лежишь, но утомляетъ отдыхъ. . .

Не трогайте мои вѣсы —
Я мужественною рукою
Трудился многіе часы
Надъ неподвижностью такою,

Я самъ себѣ воздалъ хвалу
За то, что тяжестью единой
Вѣсовъ установилъ стрѣлу
Предъ золотою серединой. . .

Но вотъ, когда ни взоръ, ни слухъ
Не нарушаютъ равновѣсья,
И поровну на дискахъ двухъ
Какъ будто невѣсомый весь я,

Когда ихъ сдерживать рука
Уже устала, неужели
Вновь чаша плотская тяжеле,
А та, небесная, легка...

Сокрыта звучная струя
Деревьями густого сада...
Такъ между тайной бытія
И человѣкомъ есть преграда...

Но зеленью сокрытый шумъ
До слуха сладко достигаетъ...
Такъ вслушивающійся умъ
Невидимое постигаетъ...

Струя прохладная поетъ
И, слушая въ оцѣпенѣньи,
Прохожій изъ пригоршней пьетъ
Ея живительное пѣнье,

И чистый и прозрачный звукъ,
Не умолкая, безъ усилья,
Смываетъ грязь съ горячихъ рукъ,
Овѣянныхъ дорожной пылью...

А. БУЛКИНЪ

Намъ дорогъ домъ, но ближе и дороже
Случайные пути изъ дома въ домъ.
Я думаю, никто изъ насъ не можетъ
Прожить всю жизнь въ своемъ дому родномъ.

Опасный путь, невидный издалека,
Зоветъ къ себѣ, и домъ родной забывъ,
Уходятъ слабые походкой легкой
Неясными дорогами судьбы.

А каждый сильный ищетъ поединка,
Уходитъ въ чащи, въ горы и въ моря:
Тамъ звѣри и нетающія льдины
О неизбѣжной смерти говорятъ.

И каждый погибаетъ такъ, какъ можетъ,
Борясь съ непобѣдимою судьбой.
Пусть каждому въ его борьбѣ поможетъ
Его надежда, вѣра и любовь.

Л. ГАНСКІЙ

Все чище голосъ мой, все чище,
Хоть равнодушенъ міръ и пустъ.
Весна неизреченныхъ чувствъ
Цвѣтетъ на всякомъ пепелищѣ.

И звонче голосъ мой, и звонче.
Но осень ужъ пора встрѣчать.
И если надо пѣснь кончать,
Мнѣ дома хочется закончить.

АЛЕКСАНДРЪ ГИНГЕРЪ

ПЕРСТЕНЬ

1

О нехорошемъ горѣ несуразномъ
Ломаемъ перья, голосомъ поемъ.
Но какъ сказать о счастьѣ безобразномъ,
О счастьѣ патетическомъ своемъ?

И не моими-ль рыбьими словами
Изобразить веселыя дѣла:
Какъ Божій рабъ куражился надъ львами,
Какъ совѣсть закусила удила;

Какъ лещъ, сигая по водопроводу,
Рапортовалъ и плакалъ впопыхахъ,
А сонмы тучъ пошли, шумя про воду,
И дождикъ палъ, и шолкомъ садикъ пахъ.

Не забывайте перстень Поликрата —
Вѣдь незабвенная моя душа
Въ конецъ раздѣта, брошена двукраты,
А вотъ вернулась, тяжело дыша.

И вотъ она безъ надоѣдной тины
И несказуемо упрощена,

Какъ «отоприте» блуднаго дѣтины,
Какъ вмигъ раскаявшаяся жена.

Сказать о всемъ претрудно и не время.
О, ненавистная, ложись, душа!
Взвали на грудь возлюбленное бремя
И вновь прижми — не спя, но не дыша.

2

Не думайте чтобъ добрыя дѣянья
Всегда бывали вознаграждены.
Нѣтъ, не всегда сторицей подаянье
Возмѣщено старателямъ деннымъ.

И не всегда за преступленьемъ кара
На провинившагося съ небеси,
Дабы поползновенія Икара
Подтаяли и сверзились безъ силъ.

Разочаровываютъ справедливыхъ
Ѳемидины сокрытые глаза.
Обычный судъ пожаловалъ счастливыхъ,
Презрительность несчастнымъ оказавъ.

Клонитесь, ивы гибнущаго міра,
Раскапывайся, тощая руда,
Скажи, діалектическая лира,
О неосуществившихся трудахъ.

Воркуй нѣжнѣй, родная голубица,
Метрическая грустная игра,
Поетъ кларнетъ, гармонія клубится,
Развертывается большой парадъ.

Восходитъ лѣсъ любовно возращенный,
Въ кустахъ перекликается добро,
Блеститъ на пальцѣ перстень возвращенный,
Слагаетъ крылья посрамленный рокъ.

ЖАЛОБА И ТОРЖЕСТВО

У каждаго растетъ своя березка
И яблоня особая цвѣтетъ.
Не слѣдуетъ чужого трогать воска
И медомъ пользоваться чуждыхъ сотъ.

Я васъ прошу настойчиво и прямо:
Не приходите на мою траву.
Интересуемся другими зря мы,
Тревожа ихъ во снѣ и наяву.

Хотя бы въ удивительномъ бездѣльѣ
Безповоротно уходили дни,
Не нарушайте тихаго веселья
Потрескиваніями болтовни.

Бодаютъ ли меня коровки божьи,
И вышиваю ли я по канвамъ,
Питаюсь я пшеницей или рожью —
Повѣдайте, что нужды въ этомъ вамъ.

Мнѣ нравится неумолимый вѣтеръ
И англійскій прессованный табакъ
И шоколадъ молочный Гала-Петеръ;
Въ особенности же люблю собакъ.

Въ мыслительныхъ усиліяхъ нешибкій,
Сонливостью природной пораженъ,
Я провожаемъ жалостной улыбкой,
Презрѣніемъ мужей и хладомъ женъ.

Но все же вы не болѣе какъ пѣшки
Заранѣе разученной игры,
Въ отчаянной и недостойной спѣшкѣ
Себя морочащія до поры.

И утверждая, что свободна воля,
И непроизводительность кляня,
Вы говорите: Онъ разслабленъ, что-ли? —
Вы къ мертвецамъ относите меня.

Послушайте, вѣдь вы совсѣмъ неправы!
Въ виду того, что я живѣе всѣхъ,
Пускай проходитъ вѣкъ мой нелукавый
Подъ вашъ безсмысленный и быстрый смѣхъ.

Одинъ въ снѣгахъ страны вечерней,
Овѣянъ тайной тишины,
Я — съ каждымъ годомъ суевѣрнѣй —
Встрѣчаю ласточку весны.

Зима, какъ ангелъ, смотритъ въ очи
Сквозь синь окна; пустырь окрестъ,
Гдѣ въ синевѣ студеной ночи
Чернѣетъ нашей церкви крестъ.

Да будетъ памятно сегодня
И въ книгу жизни внесено,
Какъ нынче ласточка Господня
Крыломъ ударила въ окно.

Б. ДРЯХЛОВЪ

Есть въ сердцѣ тайная струна,
Ея не побѣдятъ ни страсть, ни вожделѣнье,
Пусть слабымъ голосомъ она
Звучитъ, какое пылкое волненье
Охватываетъ сердце вдругъ,
И странное недоумѣнье
Отъ любящихъ, любимыхъ рукъ
Испытываетъ человѣкъ въ минуты эти,
Какъ бы при солнечномъ, горячемъ свѣтѣ,
Увидѣлъ онъ зажженную свѣчу,
Проснувшись утромъ рано.

Б. ЗАКОВИЧЪ

Дремлетъ садъ, вдали трамвай шумитъ
И, какъ прежде, руку наклоняетъ
Сѣрая Діана, и въ глаза ей
Голубь пролетающій глядитъ.

Чувствуется вѣчность... Слава Богу
Размело весеннюю тревогу,
Унесло... И темные дома

Насъ зовутъ къ негромкимъ разговорамъ,
Къ чаепитьямъ передъ смертью скорой...
Мчатся листья, близится зима.

Л. КЕЛЬБЕРИНЪ

Внѣ состраданья, внѣ страданья,
Почти любовь, скорѣй тоска,
Есть ревность. Та, что безъ желанья.
Она безумна и жалка.

У бѣдныхъ, ею одержимыхъ,
Такъ много дѣлъ непоправимыхъ
И тайныхъ слезъ необъяснимыхъ. . .

Все имъ ненужно, все неважно,
Ни блажь ума, ни тѣла дрожь.
— Печальнѣй лжи любви продажной
Любовь, похожая на ложь.

Я не могу. Ни словомъ, ни безъ словъ.
Если-бъ я могъ, я-бъ о тебѣ молился,
Чтобъ лучшій сонъ изъ всѣхъ блаженныхъ сновъ,
Чтобъ райскій сонъ сейчасъ тебѣ приснился.
Я не могу.
            До Бога далеко,
Да и чего мнѣ ждать теперь отъ Бога:
Немного слезъ, чтобъ стало мнѣ легко?

Суровой нѣжности твоей немного?
О, все равно!

Но въ тишинѣ твоей,

Но въ тишинѣ твоей, еще свободной,
Не вспоминай всей этой лжи холодной,
Всей этой лжи...

Ни разу, засыпая, —

Ни словъ моихъ о гнетѣ мертвыхъ дней,
Ни словъ моихъ о счастьи, дорогая.

ИРИНА КНОРРИНГЪ

Не тѣ слова. Не тѣ, что прежде,
Когда въ азартѣ молодомъ
Мы глупо вѣрили надеждѣ
И думали: «переживемъ!»

Что-жъ? Пережили? Своевольемъ
Сломили трудные года?
И — что-жъ? Въ тупой, обидной боли —
Тупое слово: «никогда».

И съ лихорадочнымъ ознобомъ
Приподнятая сгоряча
Рука, дрожащая отъ злобы,
Безсильно падаетъ съ плеча.

И въ безалаберномъ шатаньи
Судьба (уже который разъ?)
За безразсудныя желанья
Такъ зло высмѣиваетъ насъ.

И все, что намъ еще осталось,
Все, чѣмъ душа еще жива, —
Слова, обидныя, какъ старость,
Какъ жизнь, жестокія слова,

О томъ, что не нашли мы рая;
О томъ, что преданы въ борьбѣ,
О томъ, что стыдно погибаемъ
Отъ горькой жалости къ себѣ.

Мы мало прожили на свѣтѣ,
Мы мало видѣли чудесъ.
Вотъ только — дымчатые эти
Обрывки городскихъ небесъ.

И эти траурныя зданья
Въ сухой классической пыли,
Да смутныя воспоминанья
Мы издалека привезли.

Въ огромной жизни намъ досталась
Отъ всѣхъ трагедій міровыхъ
Одна обидная усталость,
Невидимая для другихъ.

И все покорнѣе и тише
Мы въ мірѣ таемъ, словно дымъ.
О непришедшемъ, о небывшемъ
Уже все рѣже говоримъ.

И даже въ мысляхъ, какъ бывало,
Не рвемся въ огненную даль,
Какъ будто прошлаго не мало,
И настоящаго не жаль.

Мы разстанемся тихо и просто,
Слишкомъ просто, чтобъ стало темно.
А большія, мохнатыя звѣзды
Будутъ медленно падать въ окно.

И попрежнему душныя ночи
Будутъ мучить въ тревожномъ бреду...
— Ты не бойся, что я пророчу,
И накаркаю намъ бѣду.

Но послѣдней, короткою встрѣчей
Мы искупимъ невольную ложь.
Я тебѣ ничего не отвѣчу,
Другъ мой нѣжный, — и ты поймешь.

И не станетъ больныхъ вопросовъ,
И запутанной, глупой игры.
Мы разстанемся тихо и просто,
Слишкомъ просто, чтобъ плакать навзрыдъ.

ДОВИДЪ КНУТЪ

... Нужны были годы, огромные древніе годы
Псалмовъ и проклятій, торжествъ, ликованій —
и мглы,
Блистательныхъ царствъ, урожаевъ, проказы,
невзгоды,
Побѣдъ, беззаконій, хваленій и дикой хулы,

Нужны были годы, вѣка безконечныхъ блужданій,
Прокисшіе хлѣбы и горькій сжигающій медъ,
Глухіе вѣка пресмыканья, молитвъ и рыданій,
Пустынное солнце и страшный пустынный исходъ,

Мучительный путь сквозь пожары и дымы
столѣтій,
Извѣчная скука, алчба, торжество и тоска,
Затѣмъ чтобъ теперь на блестящемъ салонномъ
паркетѣ
Я могъ поклониться тебѣ, улыбнувшись слегка.

Какіе пески отдаляли далекую встрѣчу,
Какіе вѣка раздѣляли блуждающихъ насъ,
А нынѣ мы вмѣстѣ, мы рядомъ, и вотъ даже
нечѣмъ
Засыпать пустыню и голодъ раскрывшихся глазъ.

И только осталось твое озаренное имя,
Какъ хлѣбомъ питаться имъ — жадную душу
кормить,
И только осталось пустыми ночами моими
Звѣриную муку мою благодарно хранить.

Спокойно платить этой жизнью, отрадной и
нищей,
За нѣжность твоихъ — утомленныхъ любовію —
плечъ,
За право тебя приводить на мое пепелище,
За тайное право: съ тобою обняться и лечь.

Пустынный свѣтъ, спокойный и простой,
Течетъ вокругъ, топя и заливая.
Торжественной послѣдней полнотой
Напряжена душа полуживая.

Плывутъ первоцвѣтущіе сады,
Предслышится мелодія глухая,
И вотъ не кровь, но безымянный дымъ
Бѣжитъ во мнѣ, свѣтясь, благоухая.

Земля покачивается въ убогихъ снахъ,
Въ тишайшемъ облакѣ пустыни безвоздушной.
Неупиваемы тепло и тишина,
Смиренье дѣлъ природы простодушной.

Ты вновь со мной — и не было разлуки,
О, милый призракъ радости моей.
И вновь со мной — твои глаза и руки.
(Они умнѣе стали, и грустнѣй).

Они умнѣе стали — годы, годы...
Они грустнѣе, съ каждымъ днемъ грустнѣй:
О, сладкій воздухъ горестной свободы,
О, міръ, гдѣ съ каждымъ часомъ холоднѣй.

Я радъ, такъ радъ нежданной нашей встрѣчѣ,
Худую руку вновь поцѣловать...
Но, другъ нечаянный, я бѣденъ сталъ — мнѣ нечѣмъ
Тебя порадовать. И не о чемъ сказать.

... О томъ, что дни мои — глухонѣмые?
О томъ, что ночью я — порой — въ аду?
О томъ, что ночью снится мнѣ Россія,
Къ которой днемъ дороги не найду?

Что дома ждетъ меня теперь усталость,
(А лѣстница длиннѣе каждый день)
И что теперь любовь моя и жалость —
Похожи на презрѣніе и лѣнь?

О чемъ сказать тебѣ?... Осенній городъ стынетъ.
О чемъ просить тебя?... Торопится трамвай.
Міръ холодѣющій синѣе и пустыннѣй...
О чемъ просить тебя? Прости, не забывай.

О чемъ спросить? Нѣтъ — ни на что — отвѣта.
Мой другъ, что дать тебѣ — въ убожествѣ
моемъ. . .
Мой другъ единственный, о, какъ печально это:
Намъ даже не о чемъ и помолчать вдвоемъ.

Я помню тусклый кишиневскій вечеръ:
Мы огибали Инзовскую горку,
Гдѣ жилъ когда-то Пушкинъ. Жалкій холмъ,
Гдѣ жилъ курчавый низенькій чиновникъ —
Прославленный кутила и повѣса —
Съ горячими арапскими глазами
На некрасивомъ и живомъ лицѣ.

За пыльной, хмурой, мертвой Азіатской,
Вдоль жесткихъ стѣнъ Родильнаго Пріюта,
Несли на палкахъ мертваго еврея.
Подъ траурнымъ несвѣжимъ покрываломъ
Костлявыя виднѣлись очертанья
Обглоданнаго жизнью человѣка.
Обглоданнаго, видимо, настолько,
Что послѣ нечѣмъ было поживиться
Худымъ червямъ еврейскаго кладбища.

За стариками, несшими носилки,
Шла кучка мане-кацовскихъ евреевъ,
Зеленовато-желтыхъ и глазастыхъ.

Отъ ихъ заплѣсневѣлыхъ лапсердаковъ
Шелъ сложный запахъ святости и рока,
Еврейскій запахъ — нищеты и пота,
Селедки, моли, жаренаго лука,
Священныхъ книгъ, пеленокъ, синагоги.

Большая скорбь имъ веселила сердце —
И шли они неслышною походкой,
Покорной, легкой, мѣрной и неспѣшной,
Какъ будто шли они за трупомъ годы,
Какъ будто нѣтъ ихъ шествію начала,
Какъ будто нѣтъ ему конца... Походкой
Сіонскихъ — кишиневскихъ — мудрецовъ.

Предъ ними — за печальнымъ чернымъ грузомъ
Шла женщина, и въ пыльномъ полумракѣ
Невидно было намъ ея лицо.
Но какъ прекрасенъ былъ высокій голосъ!

Подъ стукъ шаговъ, подъ слабое шуршанье
Опавшихъ листьевъ, мусора, подъ кашель
Лилась еще неслыханная пѣснь.
Въ ней были слезы сладкаго смиренья,
И преданность предвѣчной волѣ Божьей,
Въ ней былъ восторгъ покорности и страха...

О, какъ прекрасенъ былъ высокій голосъ!

Не о худомъ евреѣ, на носилкахъ
Подпрыгивавшемъ, пѣлъ онъ — обо мнѣ,

О насъ, о всѣхъ, о суетѣ, о прахѣ
О старости, о горести, о страхѣ,
О жалости, тщетѣ, недоумѣньи,
О глазкахъ умирающихъ дѣтей...

Еврейка шла почти не спотыкаясь,
И каждый разъ, когда жестокій камень
Подбрасывалъ на палкахъ трупъ, она
Бросалась съ крикомъ на него — и голосъ
Вдругъ ширился, крѣпчалъ, звучалъ металломъ,
Торжественно гудѣлъ угрозой Богу,
И веселѣлъ отъ яростныхъ проклятій.

И женщина грозила кулаками
Тому, Кто плылъ въ зеленоватомъ небѣ,
Надъ пыльными деревьями, надъ трупомъ,
Надъ крышею Родильнаго Пріюта,
Надъ жесткою, корявою землей.
Но вотъ — пугалась женщина себя,
И била въ грудь себя, и леденѣла,
И каялась надрывно и протяжно,
Испуганно хвалила Божью волю,
Кричала изступленно о прощеньи,
О вѣрѣ, о смиреніи, о вѣрѣ,
Шарахалась и ежилась къ землѣ
Подъ тяжестью невыносимыхъ глазъ,
Глядѣвшихъ съ неба скорбно и сурово.

Что было? Вечеръ, тишь, заборъ, звѣзда,
Большая пыль... Мои стихи въ «Курьерѣ»,

Довѣрчивая гимназистка Оля,
Простой обрядъ еврейскихъ похоронъ
И женщина изъ Книги Бытія.

Но никогда не передамъ словами
Того, что рѣяло надъ Азіатской,
Надъ фонарями городскихъ окраинъ,
Надъ смѣхомъ, затаеннымъ въ подворотняхъ,
Надъ удалью невѣдомой гитары,
Богъ знаетъ гдѣ рокочущей, надъ лаемъ
Тоскующихъ рышкановскихъ собакъ.

... Особенный, еврейско-русскій воздухъ...
Блаженъ, кто имъ когда-либо дышалъ.

ГАЛИНА КУЗНЕЦОВА

О, какъ сегодня ночь смутна, блѣдна!
Какъ зеркальце у мертвыхъ губъ, луна
Едва блеститъ за тонкимъ, бѣлымъ дымомъ.
Чуть поднимаетъ вздохъ неуловимый
Волну деревьевъ темныхъ. Чуть тепломъ
Отъ травъ высокихъ, высушенныхъ вѣетъ...
Шумитъ вода, печально водоемъ
Покинутый сіяетъ, и бѣлѣетъ
Средневѣковой церковки стѣна.
И молча неподвижная луна
Глядитъ на темный выгибъ Эстереля.

Въ большой, тяжелой книгѣ бытія
Что для тебя, всезнающаго, я?

Простой и слабый, бѣлый мотылекъ,
Наивно развернувшійся цвѣтокъ,
Дитя, которому твоя рука
Отодвигаетъ локоны съ виска...

Въ великолѣпной книгѣ бытія
Что для тебя теперь любовь моя?

8

ГОРЫ

Каменистый склонъ синѣетъ терномъ,
Отъ горы на гору тѣнь упала,
Высоко надъ острымъ гребнемъ горнымъ
Облако серебряное встало.

Вотъ стучатъ по камешкамъ копыта,
За скалу дорога повернула...
Мы сейчасъ увидимъ Карменситу
На спинѣ навьюченнаго мула.

Сухо пахнетъ горная лаванда,
Бѣлизной глаза слѣпитъ дорога
И, окаменѣвшимъ водопадомъ,
Въ лѣсъ текутъ скалистые отроги.

Мы съ тобой состаримся и смолкнемъ,
Обѣ наши жизни обветшаютъ, —
Здѣсь кустарникъ тотъ-же будетъ колкій,
Отъ горы все та-же тѣнь большая...

БѢГСТВО

Пропѣли хриплымъ хоромъ пѣтухи —
Взволнованные вѣстники разлуки,
И мы, прервавъ бесѣду и стихи,
Сѣдлали лошадей, грузили вьюки.

Мы тронулись, Флоренція спала —
У темныхъ городскихъ воротъ солдатамъ:
«Насъ задержали позднія дѣла,
Теперь мы возвращаемся къ пенатамъ»...

И на горбатый мостъ въ галопъ, а тамъ —
Оливковыми рощами, холмами.
Шумѣлъ въ ушахъ печальный воздухъ драмъ,
И вѣтеръ путевой игралъ плащами.

Такъ мы летѣли мимо деревень,
Въ харчевняхъ прятались на сѣновалѣ —
Внизу сержанты пили цѣлый день,
Хорошенькихъ служанокъ цѣловали,

А къ вечеру — надъ крышей стаи птицъ
И розовѣло сѣверное небо,
И, поблѣднѣвъ отъ скрипа половицъ,
Трактирщикъ приносилъ вина и хлѣба.

И ты заплакалъ, какъ дитя, навзрыдъ,
Ты вспомнилъ домъ суконщика, ночную
Погоню вспомнилъ, цоканье копытъ,
И родину, прекрасную, слѣпую...

ЛЮБИМИЦА

Не оглядываясь на подругъ,
Панику въ рядахъ пернатыхъ сѣя,
Ты взлетаешь, вырвавшись изъ рукъ.
Ты ли это, милая Психея?

Ты взлетаешь, горячо дыша.
Развѣ намъ луговъ зеленыхъ мало?
Помнишь ли, какъ въ полдень, не спѣша,
Ты пшеничныя поля пахала?

Ну куда тебѣ такой летать?
Ну куда такой нерасторопной
И привыкшей почивать —
Да по рытвинамъ четырехстопнымъ?

Но по берегу житейскихъ водъ,
На рѣчной песокъ роняя пѣну,
Увеличивая мѣрный ходъ,
Вылетаешь на арену.

Закусивъ до боли удила,
На вѣтру огромныхъ разстояній,
Разгораясь до бѣла
Въ грохотѣ рукоплесканій,

Первою приходитъ ты къ столбу,
Падаешь, храпишь, бока вздымая,
Загнанная лошадь молодая
Съ бѣлою отмѣтиной на лбу.

АРХАНГЕЛЬСКЪ

Въ плѣну у льдовъ стеклянныхъ,
Съ десяткомъ фонарей —
Архангельскъ деревянныхъ
Бревенчатыхъ церквей,

Полночный міръ сугробовъ,
Мѣховъ и тучныхъ рыбъ,
Большой любви до гроба
Средь айсберговыхъ глыбъ.

Летаетъ снѣгъ надъ міромъ,
Надъ сказкой ледяной,
Чадитъ китовымъ жиромъ
Свѣтильникъ городской,

И проситъ сѣверъ строя,
Зефировъ и колоннъ,
А небо золотое,
Какъ странный дѣтскій сонъ...

Тамъ корабли мечтаютъ
О голубыхъ моряхъ,
Тамъ розы умираютъ
На снѣжныхъ пустыряхъ,

Въ арктическихъ пожарахъ,
На ложѣ пуховомъ,
И китобои въ барахъ,
Какъ воду, хлещутъ ромъ.

Ахъ, жарче дона Хозе
Пылаетъ этотъ ледъ,
И къ эскимосской розѣ
Полярный воздухъ льнетъ,

Холодную голубку
Приноситъ мальчикъ въ домъ,
Раскуриваетъ трубку
Мечтатель уголькомъ.

Мы въ стеклянномъ и въ призрачномъ мірѣ
И подъ куполомъ низкимъ земнымъ,

Мы, какъ бабочки, бьемся въ эфирѣ,
Застилаетъ намъ зрѣніе дымъ.

И на этой печальной планетѣ
Ты живешь, какъ другіе живутъ —
Возвращаешься ты на разсвѣтѣ,
Любишь бальнаго пчельника гудъ.

Голубою огромною розой
Складки райскаго платья легли,
Мы гудимъ надъ тобою, сквозь слезы
Воздухъ пьемъ и кружимся въ пыли,

Но потомъ отлетаемъ, какъ пчелы,
И за автомобильнымъ стекломъ
Проплываетъ нашъ городъ веселый
Водянистымъ ночнымъ цвѣтникомъ;

Вотъ такимъ же туманнымъ негрузнымъ
Представляется міръ по ночамъ
И твоимъ воспаленнымъ медузнымъ
Близорукимъ прекраснымъ глазамъ,

И прекрасенъ нашъ жребій печальный:
Какъ надъ розой совсѣмъ голубой,
Виться въ этой теплицѣ хрустальной
Черной бабочкою надъ тобой.

———

Тенета бросилъ я на счастье
Въ небесный темный океанъ,
Опуталъ рыболовной снастью
Твой нѣжный и высокій станъ.

И ты глядѣла съ удивленьемъ
На смутный берегъ, на песокъ,
Слетѣвшая къ земнымъ лишеньямъ
И къ рыбакамъ на огонекъ.

Ты все узнала — скудость пищи,
Солому на полу, чердакъ,
Но нравилось тебѣ жилище,
Деревья за окномъ, очагъ,

И покидая воздухъ здѣшній,
За вздохомъ вздохъ, за пядью пядь,
Ты плакала все неутѣшнѣй
И не хотѣла улетать.

О чемъ ты плакала, душа моя,
Вздыхая за рѣшеткой бытія,

Въ какія небеса взлетала ты
Изъ этой неприглядной темноты

И музыкѣ какой внимала тамъ,
Гдѣ ангелы и звѣзды по ночамъ,

Зачѣмъ ты возвратилась къ намъ опять,
Чтобъ на землѣ томиться и страдать?

И отвѣчаетъ горестно она:
— Еще я къ райской жизни не годна,

Еще я не сгорѣла на огнѣ,
Еще не выплакалась въ тишинѣ,

Еще не научилась я любить,
Еще мнѣ надо у людей пожить.

О Данія, дальній предѣлъ
Всѣхъ нашихъ мечтаній о томъ,
Чего не бываетъ у насъ
Средь скучныхъ и маленькихъ дѣлъ
На бѣдной землѣ безъ прикрасъ.

Но милыя руки, какъ ледъ.
Все горестнѣе тишина,
Все тише и тише плыветъ
Надъ башнями замка луна.

О Данія, меркнетъ твой свѣтъ.
Твой принцъ умираетъ. . . Въ концѣ
Печальнѣйшихъ странствій — отвѣтъ
На этомъ прекрасномъ лицѣ.

И въ лунномъ безпамятствѣ онъ,
Средь черныхъ и страшныхъ тѣней,
Въ бреду вспоминаетъ сквозь сонъ
О шпагѣ, о славѣ своей,
О маленькой женской рукѣ,
О шорохѣ датскихъ древесъ,
О темной и сладкой строкѣ,
Слетѣвшей, какъ ангелъ, съ небесъ...

ВИКТОРЪ МАМЧЕНКО

Все тотъ-же день всегда и снова,
Все тянется крыломъ къ закату доплеснуть.
Вотъ нѣжность вечера у озера лѣсного,
Глядитъ заклятостью хмельного слова
Въ случайную мою неясную весну,
— Неясная, какъ будто день печали,
Поетъ весна въ сиреневыхъ кустахъ;
Хотѣлъ и я запѣть, но пѣсни лишь кричали,
Хотя бъ во снѣ. . . — о, только бы молчали,
Проклятья дѣтства моего и страхъ.
И этотъ день, чтобъ только заблудиться
Въ такихъ отчетливыхъ и узкихъ коридорахъ.
Вотъ въ липкомъ холодѣ и снится — и не снится,
Какъ стынутъ замертво неистовыя лица
Подъ тяжкимъ взглядомъ уличнаго вздора.
О, если бъ дни слагались изъ ночей. . .
— Чѣмъ ночь темнѣй — безпомощность яснѣе: —
Безумный я, бездонный, и ничей.

О тишинѣ мельчайшаго дробленья,
Изъ ничего оглохнувшаго зова, —
Луна молчитъ, и море изъ низовъ
Буранами застыло, въ звеньяхъ.
Молчитъ душа взмятенная насильемъ

— Невольной жизни — райскаго закона;
Умъ загнанный — молитвою закованъ,
И снится бунтъ ему о силѣ.
Тяжелымъ шагомъ Демоны повисли
Надъ простотой — о, такъ безумной — рая,
И слово въ горлѣ пламенемъ сгораетъ,
Взлетаютъ вдругъ и замираютъ мысли.
И умираетъ ночь, какъ умираетъ день, —
Такіе разные и равные другъ другу.
Сжигая образы по облачному кругу
Молчитъ душа, безлюдная вездѣ.

ЮРІЙ МАНДЕЛЬШТАМЪ

Въ папиросномъ дыму, за столами,
Мы охрипли отъ скучныхъ бесѣдъ,
Поражая другъ друга словами,
Заметая потерянный слѣдъ.

Такъ въ порядкѣ дискуссій и споровъ,
Позабывъ удивленность и страхъ,
Мы вели безъ конца разговоры
О своихъ нелюбимыхъ стихахъ.

А любимые прятали мудро
Въ глубинѣ помутнѣвшихъ зрачковъ
За духами, румянами, пудрой
И обидой придуманныхъ словъ.

Говорить о любви, о стихахъ,
О тебѣ, о себѣ самомъ,
Ожидать, что въ твоихъ глазахъ
Вспыхнетъ нѣжность чернымъ огнемъ.

А потомъ, возвратясь домой,
Лечь въ постель и укрыться теплѣй
(Было холодно этой зимой),
И въ безсонной дремотѣ моей

Все надѣяться, въ смутномъ бреду,
Что опять посѣтишь меня ты,
Что я съ новой рифмой найду
Новый образъ твоей красоты.

И когда забѣлѣетъ кровать
(Очень поздно свѣтаетъ зимой),
Эту радость снова назвать
Адской пыткой, смертью самой.

Что же дѣлать, если въ раю,
Въ лучезарности лѣтнихъ лучей,
Не забылъ я муку свою
И мечты морозныхъ ночей.

Отчаянье — не это
Вседневное рыданье
Съ трагическою дланью,
Приподнятой къ виску,

Отчаянье — не это
Вседневное паденье
Въ глубины безъ просвѣта,
Въ которыхъ есть просвѣтъ,

А въ малое мгновенье
Понять, что чашу съ ядомъ

Хотя и страшно выпить,
Но все таки возможно.

Электрическій запахъ озона,
Вдалекѣ нарастающій громъ,
И огромныя, въ полнебосклона,
Черно-синія тучи кругомъ.

Ты, я знаю, грозы не боялась,
И теперь, со слезами въ глазахъ,
Не въ испугѣ ко мнѣ прижималась,
Не защиты просила въ слезахъ.

Никому не разскажешь словами
Про молчаніе, нѣжность и стыдъ,
И тогда разорвался надъ нами
Ослѣпительный метеоритъ.

Я проснулся отъ ливня и грома,
Сонъ счастливый былъ все таки сномъ.
Въ одиночествѣ соннаго дома
Отзывался насмѣшливый громъ.

ЧЕРНАЯ МАДОННА

Синевѣли дни, сиреневѣли,
Темные, прекрасные, пустые.
На трамваяхъ люди соловѣли,
Наклоняли головы святыя.

Головой счастливою качали,
Спалъ асфальтъ, гдѣ полдень наслѣдилъ.
И казалось, въ воздухѣ, въ печали,
Поминутно поѣздъ отходилъ.

Загалдитъ народное гулянье.
Фонари грошевые на ниткахъ,
И на бѣдной выбитой полянѣ
Умирать начнутъ кларнетъ и скрипка.

И еще разъ, передъ самымъ гробомъ,
Издадутъ, родятъ волшебный звукъ.
И заплачутъ музыканты въ оба
Чернымъ пивомъ изъ вспотѣвшихъ рукъ.

И тогда проѣдетъ безучастно,
Разопрѣвъ и празднику не рада,
Кавалерія, въ мундирахъ красныхъ,
Артиллерія назадъ съ парада.

И въ пыли, къ одеколону, къ поту,
Къ шуму вольтовой дуги надъ головой
Присоединится запахъ рвоты,
Фейерверка дымъ пороховой.

И услышитъ вдругъ юнецъ надменный
Съ необъятнымъ клешемъ на штанахъ
Счастья краткій выстрѣлъ, летъ мгновенный,
Лѣта красный мѣсяцъ на волнахъ.

Вдругъ возникнетъ на устахъ тромбона
Визгъ шаровъ крутящихся во мглѣ,
Дико вскрикнетъ черная Мадонна
Руки разметавъ въ смертельномъ снѣ.

И сквозь жаръ, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дымъ, гдѣ пѣлъ кларнетъ,
Запорхаетъ бѣлый, безпощадный
Снѣгъ, идущій милліоны лѣтъ.

Розовый часъ проплывалъ надъ свѣтающимъ
міромъ.
Души изъ рая назадъ возвращались въ тѣла.

Ты отходила въ твоемъ сверхъестественномъ
мірѣ.
Солнце вставало, и гасла свѣча у стола.

Розовый снѣгъ опадалъ въ высотѣ безмятежной.
Вдругъ ты проснулась еще разъ; но ты никого
не узнала,
Странный твой взглядъ проскользилъ удивленный и нѣжный,
И утонулъ въ полумракѣ высокаго зала.

А за окномъ, незабвенно блистая росою,
Лѣто цвѣло и сады опускались къ рѣкѣ.
А по дорогѣ, на солнцѣ блистая косою,
Смерть уходила и чертъ убѣгалъ на легкѣ.

Міръ незабвенно сіялъ очарованный лѣтомъ.
Бѣлыми клубами въ небо всходили пары.
И, поднимая античныя руки, атлеты
Камень ломали и спали въ объятьяхъ жары.

Солнце сіяло въ безсмертномъ своимъ обаяньи.
Флаги всходили, толпа начинала кричать.
Что-то ужасное пряталось въ этомъ сіяньи.
Броситься на земь хотѣлось, забыть, замолчать.

Восхитительный вечеръ былъ полонъ улыбокъ и звуковъ,
Голубая луна проплывала высоко звуча,
Въ полутьмѣ ты ко мнѣ протянула безсмертную руку,
Незабвенную руку, что сонно спадала съ плеча.

Этотъ вечеръ былъ чудно тяжелъ и таинственно душенъ,
Отступая заря оставляла огни въ вышинѣ,
И большіе цвѣты разлагаясь на грядкахъ, какъ души,
Умирая свѣтились и тяжко дышали во снѣ.

Ты меня обвела восхитительно медленнымъ взглядомъ,
И заснула, откинувшись навзничь, вернулась во сны.
Видѣлъ я, какъ въ таинственной позѣ любуется адомъ
Путешественникъ ангелъ въ измятомъ костюмѣ весны.

И весна умерла и луна возвратилась на солнце,
Солнце встало; и темный румянецъ взошелъ.

Надъ загаженнымъ паркомъ святое видѣнье
пропало
Міръ воскресъ и заплакалъ и розовымъ снѣгомъ
отцвѣлъ.

РОЗА СМЕРТИ

Въ черномъ паркѣ мы весну встрѣчали,
Тихо вралъ копѣечный смычекъ,
Смерть спускалась на воздушномъ шарѣ,
Трогала влюбленныхъ за плечо.

Розовъ вечеръ, розы носитъ вѣтеръ.
На поляхъ поэтъ рисунокъ чертитъ.
Розовъ вечеръ, розы пахнутъ смертью
И зеленый снѣгъ идетъ на вѣтви.

Темный воздухъ осыпаетъ звѣзды ,
Соловьи поютъ, моторамъ вторя,
И въ кіоскѣ надъ зеленымъ моремъ
Полыхаетъ газъ туберкулезный.

Корабли отходятъ въ небѣ звѣздномъ,
На мосту платками машутъ духи,
И сверкая черезъ темный воздухъ
Поровозъ поетъ на віадукѣ.

Темный городъ убѣгаетъ въ горы,
Ночь шумитъ у танцовальной залы
И солдаты, покидая городъ,
Пьютъ густое пиво у вокзала.

Низко, низко, задѣвая души,
Лунный шаръ плыветъ надъ балаганомъ,
А съ бульвара подъ органъ тщедушный,
Машетъ карусель руками дамамъ.

И весна, бездонно розовѣя,
Улыбаясь, отступая въ твердь,
Раскрываетъ темно-синій вѣеръ
Съ надписью отчетливою: смерть.

МОРЕЛЛА

Фонари отцвѣтали и ночь на роялѣ играла,
Привидѣнье разсвѣта уже появилось въ кустахъ.
Съ неподвижной улыбкой ты молча зарю озирала,
И она, отражаясь, синѣла на сжатыхъ устахъ.

Утро маской медузы уже появлялось надъ міромъ,
Гдѣ со свѣтомъ боролись мечты соловьевъ въ
камышѣ.
Твой таинственный взглядъ, провожая созвѣздіе
Лиры,
Соколиный, спокойный, не видѣлъ меня на землѣ.

Ты орлиною лапой разорванный жемчугъ катала,
Ты какъ будто считала мои краткосрочные годы.
Почему я тебя потерялъ? Ты какъ ночь міро-
зданьемъ играла,
Почему я упалъ и орла отпустилъ на свободу?

Ты, какъ черный орелъ, развѣвалась на желтыхъ
закатахъ,
Ты, какъ гордый, нѣмой ореолъ, осѣняла судьбу.
Ты вошла не спросясь и отдернула съ зеркала
скатерть
И увидѣла нѣжную дѣвочку — вѣчность въ гробу.

Ты, какъ нѣжная вѣчность, расправила черныя
перья,
Ты на желтыхъ закатахъ влюбилась въ сіянье
отчизны.
О, Морелла, усни, какъ ужасны орлиныя жизни,
Будь, какъ черныя дѣти, забудь свою родину —
Пэри!

Ты, какъ маска медузы, на бѣлое время смотрѣла,
Соловьи догорали и фабрики выли вдали,
Только утренній поѣздъ пронесся, грустя, за
предѣлы,
Тамъ, гдѣ мертвая вѣчность покинула чары
земли.

О, Морелла, вернись, все когда-нибудь будетъ
иначе,
Свѣтъ смѣется надъ нами, закрой снѣговые глаза.
Твой орленокъ страдаетъ, Морелла, онъ плачетъ,
онъ плачетъ,
И какъ краска рѣсницъ, міозданіе таетъ въ
слезахъ.

СЕРДЦЕ РОЩИ

По велѣнью Водолея
мы мечтаемъ, бдимъ и спимъ.
Солнце, сумерки жалѣя,
небо уступаетъ имъ.
  Тѣхъ же четырехъ насѣдокъ —
  — просинь, лѣто, осень, снѣгъ —
  водитъ годъ. Но напослѣдокъ
  позабылъ ихъ человѣкъ.
Не звѣздой теперь дорогу
мѣтитъ онъ, а фонаремъ.
Сердце рощи понемногу
истекаетъ янтаремъ.
  Плачетъ сосенка, для плясокъ
  нашихъ данная костру.
  Плачетъ плоть моя — подпасокъ
  съ горемъ вставшій поутру.
Только сумракъ видитъ звѣзды,
бѣлый день обидитъ ихъ.
Лишь въ лощинѣ козамъ роздыхъ.
въ котловинѣ — вѣтеръ тихъ.
  Лишь во снѣ цвѣтами тѣло
  наше дышетъ не спѣша.
  Лишь во снѣ вступаетъ въ дѣло
  одичалая душа.

И конецъ для насъ загадка,
и начало спитъ во мглѣ.
Намъ и сумрачно и сладко
быть на сей еще землѣ.

ГОРБЪ

Дадутъ-ли въ жизни будущей вѣнцы
взамѣнъ неисцѣлимаго порока?
Такихъ — не утѣшаютъ леденцы.
глаза ихъ въ синевѣ сидятъ глубоко.

Подчеркиваетъ мраморность чела
не локонъ — роковой вѣнокъ уродства.
Пусть льдистая лучистая скала
не въ силахъ дать травы для скотоводства,

но эдельвейсъ средь каменныхъ полей
сіяетъ намъ съ заоблачныхъ подмостковъ.
И матери горбатый сынъ милѣй
другихъ ея — высокихъ — недоростковъ.

Быть можетъ горбъ сращеніе тѣхъ крылъ,
которыми махалъ твой сынъ въ лазури,
когда еще онъ херувимомъ былъ.
Но какъ найти крыло въ верблюжьей шкурѣ?

ГЕОРГІЙ РАЕВСКІЙ

Долгій день еще не прожитъ.
Что-же ясный этотъ день
Холодкомъ уже тревожитъ
Пробѣгающая тѣнь?

— Отшатнись, неосторожный!
Будь и слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ:
Нынче только отблескъ ложный
Завтра станетъ бытіемъ.

Зеленая волна, зеленая трава,
И волосы твои оттѣнка изумруда,
И льющихся небесъ густая синева, —
Какое празднество для глазъ, какое чудо!

Свалившейся травой мелькнетъ-ли жизнь моя,
Волна-ль ее умчитъ въ стремительномъ
теченьи, —
Что, милая, мнѣ въ томъ? — Сегодня видѣлъ я
Природу и тебя въ таинственномъ смѣшеньи.

УТЕСЪ

На самомъ краѣ дикаго обрыва
Покрытъ кустарникомъ и лишаемъ,
Тысячелѣтній сторожъ молчаливый,
Ты спишь угрюмымъ, бездыханнымъ сномъ.

Что безпокойный голосъ человѣка?
Что жалобы его? — Все глухо здѣсь.
Однѣхъ лишь сосенъ слышится отъ вѣка
Протяжная торжественная пѣснь.

День отошелъ. Послѣдній свѣтъ исчезъ
За синими вершинами Вотезъ.
Все, что тревожило, что волновало,
Глубокою смѣнилось тишиной.
Лишь, музыки прозрачное начало,
Незримый ключъ гремитъ передо мной.

Открываю глаза — синева,
Закрываю глаза — тишина,
Одиночество, ты надо мной
Какъ орелъ поднебесный паришь.

Но какъ слабая птица, во мнѣ
Содрагается вѣра, когда
Твой печальный, торжественный крикъ
Разлетается въ небѣ пустомъ.

На рѣзкій звонъ разбитаго стекла,
Сердито охая и причитая,
Хозяйка прибѣжала; со стола
стекала тихо струйка золотая,

И пьяница, полузакрывъ глаза,
прислушиваясь къ льющемуся звуку,
блаженно подмигнулъ и поднялся
и протянулъ довѣрчивую руку.

Но было некому ее пожать,
всѣ съ гнѣвомъ осудили разрушенье.
Онъ загрустилъ: никто не могъ понять,
Какое лучезарное видѣнье

Средь золотисто-свѣтлаго вина,
Какой веселый міръ ему открылся. . .
Онъ радостно — какая въ томъ вина? —
взмахнулъ рукою, — и стаканъ разбился.

ДАНІИЛЪ РѢЗНИКОВЪ

Любовь, ты лоцманъ корабля, который
Насъ вводитъ въ жизнь, какъ въ портъ —
Такъ на разсвѣтѣ въ берега Босфора
Мы входимъ бортъ о бортъ.

Еще туманъ, цѣпляясь за рѣсницы,
Намъ застилаетъ путь.
— Привѣтъ тебѣ, сестра моя, денница, —
Открывши шторму грудь.

Какъ паруса, влюбленные въ пространство,
О, черезъ всѣ моря,
По жизни — картѣ невѣроятныхъ странствій,
Плыть сотни лѣтъ подрядъ.

Любовь, ты штормъ: поетъ страстей гитара
И тонкихъ струнъ не рветъ.
Грудь пахнетъ моремъ, — солью и загаромъ, —
Мы входимъ въ жизнь, какъ въ портъ.

Какое дѣло мнѣ, что ты живешь,
Какое дѣло мнѣ, что ты умрешь?
И мнѣ тебя совсѣмъ не жаль — совсѣмъ.
Ты для меня невидимъ, глухъ и нѣмъ,
И какъ тебя зовутъ и какъ ты жилъ,
Не зналъ я никогда или забылъ,
И если мимо провезутъ твой гробъ,
Моя рука не перекреститъ лобъ.

Но страшно мнѣ подумать, что и я
Вотъ такъ же безразличенъ для тебя,
Что жизнь моя и смерть моя, и сны
Тебѣ совсѣмъ ненужны и скучны,
Что я вездѣ — о, это видитъ Богъ! —
Такъ навсегда, такъ страшно одинокъ.

Смотри, не отрываясь, дни и ночи,
На небеса, на землю, на людей,
Вѣдь каждый день прошедшихъ дней короче,
Ночей прошедшихъ эта ночь темнѣй.

Еще прозрачны дни и ночи звѣздны,
Но слышишь скрипъ уже подгнившихъ скрѣпъ,

Дыши, дыши, пока еще не поздно,
Смотри, смотри, пока ты не ослѣпъ,

На звѣзды, на людей идущихъ мимо,
На все твое, что станетъ не твоимъ,
Вѣдь даже боль твоя неповторима,
Вѣдь даже смертный часъ — невозвратимъ.

Ты прожилъ жизнь — о, каждый годъ какъ
вѣкъ,
Ты зналъ любовь и боль и вдохновенье,
Ты сталъ уже почти не человѣкъ,
Уже почти мертвецъ, почти видѣнье.

Ужъ нѣтъ различья яви и мечтамъ,
Равно ничтожны рабство и свобода,
Ты тяжело восходишь къ высотамъ,
Откуда нѣтъ возврата, нѣтъ исхода.

Ты на краю земли. Какая тишь,
Какая тьма. Ты руки поднимаешь,
— О, какъ онѣ прозрачны! — Ты летишь,
Ты падаешь, ты умираешь.

Себя спасти не можешь — даже ты —
Отъ одиночества и темноты.
Твои глаза, хоть нѣтъ свѣтлѣе глазъ,
Темнѣютъ каждый день и каждый часъ,
И все слабѣе слабая рука
И все сильнѣе по ночамъ тоска.
У наглухо закрытаго окна
Стоишь ты, неподвижна и блѣдна,
Ты смотришь вдаль. И по твоимъ губамъ
Скользитъ улыбка. Что ты видишь тамъ,
За этой тишиной и темнотой?
Какою невозможною мечтой
Ты сердце ослабѣвшее пьянишь,
Какое ожиданіе таишь,
Какою радостью душа живетъ?

Такъ, умирающій безсмертья ждетъ,
Такъ иногда слѣпому снится сонъ,
Что онъ прозрѣлъ, что солнце видитъ онъ,
И у него тогда — о, ложь и страхъ! —
Такая же улыбка на губахъ.

Нѣтъ тебя счастливѣй на землѣ,
Нѣтъ свѣтлѣй, спокойнѣй и печальнѣй,
Труденъ путь, но близокъ берегъ дальній,
Онъ уже свѣтлѣетъ въ полумглѣ...
Нѣтъ тебя счастливѣй на землѣ.

Ты какъ уголь въ тлѣющей золѣ,
Ты, какъ вѣрность, свѣтишь сквозь измѣну,
Вѣрную всему ты знаешь цѣну,
Знаешь все о нищетѣ и злѣ —
Нѣтъ тебя несчастнѣй на землѣ.

На плечѣ высокомъ — на крылѣ, —
Непосильную доносишь ношу,
Сквозь толпу торгующихъ святошей,
Каждый въ сердце — по тупой иглѣ,
Каждому завидно — на крылѣ! . .

Ты одинъ, и нѣтъ тебя межъ ними
Беззащитнѣй и непобѣдимѣй.

Что же я тебѣ отвѣчу, милый?
Скучно по традиціи соврать?
Въ этотъ день холодный и унылый
Я пойду сосѣда провожать.

Жилъ да былъ сапожникъ въ нашемъ домѣ.
Молоткомъ по кожѣ колотилъ,
За работой пѣлъ, за стойкой пилъ.
Жилъ и жилъ себѣ. Вдругъ взялъ, да померъ.

Омываютъ женщины его.
Заколотятъ гробъ. Сгніетъ покойникъ.
Милый мой, оставь меня въ покоѣ —
Больше я не знаю ничего.

Я былъ плохимъ отцомъ, плохимъ супругомъ,
Плохимъ товарищемъ, плохимъ бойцомъ,
Обманывалъ испытаннаго друга,
Лгалъ за глаза и льстилъ въ лицо.

И дѣвушекъ довѣрчивыхъ напрасной
Влюбленностью я мучилъ вновь и вновь.
Но вмѣсто страсти сильной и прекрасной,
Унылой похотью мутилась кровь.

Но, Боже мой, съ какой послѣдней жаждой
Хотѣлъ я вѣрности и чистоты,
Предѣльной дружбы, братской теплоты,
Съ надеждою встрѣчался съ каждымъ, съ каждой.

———

Какъ трудно жить съ растеряннымъ сознаньемъ,
Какъ трудно жить безъ настоящихъ дѣлъ.
Должно быть одиночества удѣлъ
Судьбой дарованъ намъ, какъ испытанье.

Мы измѣнить не въ силахъ ничего,
Мы ходимъ на работу и на службу.
А наша утѣшительная дружба
Не утѣшаетъ ровно никого.

Расходятся съ кѣмъ было по пути.
И съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ новымъ
годомъ
Намъ нашу вынужденную свободу
Все безотраднѣй и труднѣй нести.

П. СТАВРОВЪ

РѢКА

Уже запутавшись въ сѣтяхъ,
Очередьми перебѣгая,
На запрокинутыхъ огняхъ
Рѣка плыветъ, какъ неживая.

Ей сквозь туманъ, какъ легкій бредъ,
Ей, сквозь вуаль недоумѣнья,
На утро, въ пять, чуть брезжитъ свѣтъ
Уже шептать про наводненья.

Ей просыпаться, скажемъ, въ пять,
Сквозь блескъ и всхлипъ перемогаясь,
Ей про ненастье бормотать,
Свинцовымъ холодомъ вздуваясь.

Ей спотыкаясь о мосты,
Подъ плескъ ночныхъ недоумѣній
Переворачивать листы
Несовершенныхъ преступленій.
На черныхъ сваяхъ, наспѣхъ, вплавь,
Безъ оправданій, безъ допросовъ,
Пока пугающая явь
Не встанетъ призракомъ бѣлесымъ.

ПОЭМА ГОРЕСТИ

Завѣшаны окна и наглухо дверь.
Довольно бравады и рвенье умѣрь.

Довольно бравады — не надо,
Цвѣты, на обояхъ — рулады,
Когда откровенія птицами пѣли
Въ слинявшемъ,
дешевомъ,
послѣднемъ отелѣ

(Ну, развѣ, что за спину руки
И маять отельную скуку).

Что можетъ —
Больнѣе и слаже,
Одинъ на высокомъ отельномъ этажѣ
Въ одиночествѣ сиръ.

Внизу ресторановъ распахнутый міръ,
Капли на столахъ — ртутными слитками,
Вечеръ захлеснутъ напитками,

Слова, какъ клейма,
Сверкаютъ, звенятъ, разсыпаются бойко,
И сыплются скукой на цинковой стойкѣ.

(Ну, развѣ, что выть по собачьи
Какъ вѣтеръ въ оставленной дачѣ?)

Ю. ТЕРАПІАНО

По утрамъ читаю Гомера,
Мячъ взлетаетъ въ рукахъ Навзикаи,
И синѣютъ верхушки деревьевъ
Надъ синѣющею синевою,
Надъ кремнистой узкой дорогой,
Надъ движеньями смуглыхъ рукъ.

А потомъ выхожу я въ городъ,
Гдѣ, звеня, пролетаютъ трамваи,
И вдоль клумбъ Люксембургскаго сада
Не спѣша и безцѣльно иду.
И такъ странно и такъ необычно
Все вокругъ: пожилые французы,
Дѣти, ослики — и деревья,
Распустившіяся полнымъ цвѣтомъ,
Словно вправду они въ лѣсу.

Есть въ такія минуты чувство
Одиночества и покоя.
Хорошо смотрѣть въ высоту:
Только солнце вверху и небо,
Отъ жары колеблется воздухъ
И какъ будто бы все свершилось
На землѣ, и лишь по привычкѣ
Люди движутся, любятъ, вѣрятъ,
Ждутъ чего то, хотятъ утѣшенья,
И не знаютъ, что главное — было,

Что давно ужъ Архангелъ Божій
Надъ часами каменной башни
Опустился — и вылилась чаша
Прошлыхъ, будущихъ и небывшихъ,
Слезъ, вражды, обидъ и страстей,
Дѣлъ жестокихъ и милосердныхъ,
И такихъ же, на полусловѣ,
Словно плескъ въ глубокомъ колодцѣ,
Обрывающихся стиховъ...

Полдень. Время остановилось.
Солнце жжетъ, волны бьются о берегъ.
Гдѣ теперь ты живешь, Навзикая? —
Мячъ твой катится по травѣ.

Помолимся о томъ, кто въ тьмѣ ночной
Клянетъ себя, клянетъ свой трудъ дневной,
Обиды вспоминаетъ, униженья,
Въ постели смятой лежа безъ движенья,
И передъ нимъ — два призрачныхъ пятна —
Окно и дверь, холодная стѣна...
Больнѣе нѣтъ обиды — униженья.

Помолимся о томъ, кто въ часъ забвенья
И отдыха, безъ отдыха, безъ сна
Всю ночь передъ бутылкою вина
Надъ грубой незапятнанной бумагой

Склоняется и дышетъ грустной влагой
Морей незримыхъ, слышитъ шумъ временъ:
Пусть къ небу темное лицо подниметъ онъ,
Пусть свѣтъ увидитъ онъ, пусть будетъ такъ,
как надо.

Помолимся о томъ, кто у ограды
Иль въ опустѣвшемъ домѣ у окна
Заранѣ знаетъ — не прійдетъ она.
Еще помолимся мы о страданьи,
О радостяхъ, о горѣ, о желаньи,
О звѣздахъ, о Венерѣ, о лунѣ,
О грѣшникахъ, пылающихъ въ огнѣ;
Помолимся о подлыхъ и преступныхъ.
О нераскаянныхъ и недоступныхъ,
О самыхъ гордыхъ гордостью земной.

Но какъ молиться о душѣ такой,
Ни съ кѣмъ въ своемъ несчастьи несравнимой —
О томъ, кто знаетъ, что въ глазахъ любимой
Безвыходная скрыта пустота,
Кто раненъ совѣстью, въ комъ нищета,
Кто могъ бы все, и заградилъ уста —
Такое горе — неисповѣдимо.

Когда насъ горе поражаетъ,
Чѣмъ больше горе — въ глубинѣ

Упрямой радостью сіяетъ
Душа, пронзенная извнѣ.

Есть въ гибели двойное чудо:
Слабѣя, стоя на краю,
Предчувствовать уже оттуда
Свободу новую свою.

Вотъ почему мнѣ жизни мало,
Вотъ почему въ тѣ дни, когда
Все кончено и все пропало,
Когда я проклятъ навсегда,

Въ часъ, въ трудный часъ изнеможенья,
Мнѣ въ сердце хлынетъ тишина —
И грознымъ свѣтомъ вдохновенья
Душа на мигъ озарена.

То, что около слезъ. То, что около словъ.
То, что между любовью и страхомъ конца.
То, что всѣми съ такимъ равнодушьемъ гонимо,
И что прячется въ смутной правдивости сновъ,
Исчезаетъ въ знакомомъ овалѣ лица,
И мелькаетъ во взглядѣ — намѣренно-мимо.

Вотъ объ этомъ... Конечно, намъ много дано.
Справедливо, что многое спросится съ насъ.
Что-же дѣлать, когда умираетъ оно
Въ предразсвѣтный, мучительный, медленный
часъ?

Что-же дѣлать, когда на усталой землѣ,
Даже въ счастьѣ своемъ человѣкъ одинокъ
И довѣрчиво-страстный его монологъ
Растворяется въ сонномъ и ровномъ теплѣ?

Въ маѣ сомнѣнья тихи...
Знаю — и это стихи,
Чувствую — это весна,
Вѣрю — простятся грѣхи
Тѣмъ, кому жалость нужна...

Дождь свѣтло-сѣрый опять...

Трудно бываетъ сказать,
Стоитъ-ли такъ говорить?
Знаю, что важно понять,
Думаю — нужно любить...

Страшно сказать: навсегда . . .

Гдѣ-то проходятъ года,
Чей-то кончается вѣкъ,
Таютъ свѣтло, безъ слѣда,
Музыка, дождь, человѣкъ...

Жизнь пройдетъ и тихо оборвется
Въ море, въ неудачу, въ ничего...
А пока — такъ близко — сердце бьется
И не слышитъ сердца моего.
Жизнь пройдетъ, но это безразлично —
Ты напомни, разскажи, верни...
Этотъ страхъ, такой давно привычный,
Вѣдь живутъ-же, все-таки, они.
Отвѣчаютъ дѣтямъ на вопросы,
Посылаютъ женщинамъ цвѣты,
Грустно спорятъ, курятъ папиросы,
Все-таки, не то...

Ты меня поцѣловала
даже не сказавъ прости,
Въ городѣ цвѣтутъ каштаны. . .
значитъ, лучше имъ цвѣсти.

Въ городѣ цвѣтутъ каштаны,
наша комната тѣсна,
За окномъ прозрачны ночи. . .
значитъ, лучше, что весна.

Значитъ лучше, что молчанье,
что вернулось, что тепло,
Что чудесно-невозможно
и мучительно-свѣтло.

Если вы не всегда безъ печали
За ущербной слѣдили луной,
Если вы не всегда молчали,
Если вы не устали — не очень устали,
Побудьте немного со мной.

Равнодушнѣй, внимательнѣй, строже. . .
(И зачѣмъ, и о чемъ — до утра?)
Улыбнулся — не намъ-ли? — прохожій.
Мы должно быть на очень счастливыхъ похожи...
До свиданья. Мнѣ тоже пора.

ЕВГ. ШАХЪ

Всѣ двери въ коридоръ открыли
И сразу сдѣлалось свѣтло,
Такъ грубый камень безъ усилій
Ломаетъ хрупкое стекло.

Не видно пыльнаго паркета,
Глаза смотрѣть утомлены,
У каждой двери блики свѣта
И тѣнь у раненой стѣны.

Ликуетъ небо голубое,
И средь весенней суеты
Кто вспомнитъ о быломъ покоѣ,
О совершенствѣ темноты. . .

АНАТОЛІЙ ШТЕЙГЕРЪ

Время — искусный врачъ,
Лѣчитъ отъ всѣхъ неудачъ,
Лѣчитъ отъ всѣхъ заботъ...
Скоро и глупый плачъ
Ночью (во снѣ) пройдетъ.

Мы вѣримъ книгамъ, музыкѣ, стихамъ,
Мы вѣримъ снамъ, которые намъ снятся,
Мы вѣримъ слову... (Даже тѣмъ словамъ,
Что говорятся въ утѣшенье намъ ,
Что въ спѣшкѣ на вокзалѣ говорятся...)

Неужели ты снова здѣсь?
Тѣ-же волосы, ростъ, улыбка...
Неужели...
И снова смѣсь
Пустоты и тоски: ошибка.

Какъ то сразу согнешься весь.

Подумай, на рукахъ у матерей
Все это были розовыя дѣти.

И. Анненскій.

Никто, какъ въ дѣтствѣ, насъ не ждетъ внизу,
Не переводитъ насъ черезъ дорогу,
Про злого муравья и стрекозу
Не говоритъ, не учитъ вѣрить Богу.

До насъ теперь нѣтъ дѣла никому.
У всѣхъ довольно собственнаго дѣла.
И надо жить какъ всѣ, — но самому...

(Безпомощно, нечестно, неумѣло)

До того какъ въ зеленый дымъ
Солнце канетъ и сумракъ ляжетъ,
Мы о лѣтѣ еще твердимъ...
(Только скоро намъ правду скажетъ
Осень голосомъ ледянымъ).

Мы уходя большой костеръ разложимъ
Изъ писемъ, фотографій, дневника.
Пускай горятъ...
Пусть станетъ садъ похожимъ
На крематоріумъ издалека.

Слабый трескъ опускаемыхъ шторъ,
Чтобы дача казалась незрячей,
И потомъ, точно выстрѣлъ въ упоръ —
Ревъ мотора въ саду передъ дачей.
(И еще провожающихъ взоръ
Безнадежный, тоскливый, собачій).

ТАТЬЯНА ШТИЛЬМАНЪ

Это бѣлое небо надъ узкимъ дворомъ,
Этотъ бѣлый день, этотъ бѣлый домъ;

Эта блѣдная туча бѣла и низка,
Но бѣлѣе ея ледяная тоска.

Отъ тоски ледяными ночами бѣгу,
Но слѣды остаются на бѣломъ снѣгу;

И любви — не забыть, и слѣдовъ — не стереть,
Только бѣлою смертью сейчасъ умереть.

АЛЕКСѢЙ ЭЙСНЕРЪ

Надвигается осень. Желтѣютъ кусты.
И опять разрывается сердце на части...
Человѣкъ начинается съ горя. А ты
Простодушно хранишь мотыльковое счастье.

Человѣкъ начинается съ горя. Смотри,
Задыхаются въ немъ парниковыя розы.
А съ далекихъ путей въ ожиданьи зари
О разлукѣ ревутъ по ночамъ паровозы.

Человѣкъ начинается... Нѣтъ. Подожди.
Никакія слова ничему не помогутъ.
За окномъ тяжело зашумѣли дожди.
Ты, какъ птица къ полету, готова въ дорогу.

А въ лѣсу расплываются наши слѣды,
Расплываются въ памяти блѣдныя страсти —
Эти бѣдныя бури въ стаканѣ воды...
И опять разрывается сердце на части.

Человѣкъ начинается... Кратко. Съ плеча.
До свиданья. Довольно. Огромная точка...
Небо, вѣтеръ и море. И чайки кричатъ.
И съ кормы кто-то жалобно машетъ платочкомъ.

Уплывай. Только чернаго дыма круги.
Разстоянье уже измѣряется вѣкомъ...

Разноцвѣтное счастье свое береги, —
Вѣдь когда-нибудь станешь и ты человѣкомъ.

Зазвенитъ и разсыплется міръ голубой,
Бѣлоснѣжное горло какъ голубь застонетъ,
И полярная ночь поплыветъ надъ тобой,
И подушка въ слезахъ, какъ Титаникъ, потонетъ.

Но уже, погружаясь въ арктическій ледъ,
Навсегда холодѣютъ горячія руки.
И дубовый отчаливаетъ пароходъ
И, качаясь, уходитъ на полюсъ разлуки.

Вьется мокрый платочекъ и пѣнится слѣдъ,
Какъ тогда... Но я вижу, ты все позабыла.
Черезъ тысячи верстъ, и на тысячи лѣтъ
Безнадежно и жалко бряцаетъ кадило.

Вотъ и все. Только темные слухи про рай...
Равнодушно шумитъ Средиземное море.
Потемнѣло. Ну, что-жъ. Уплывай. Умирай.
Человѣкъ начинается съ горя.

III

АЛЛА ГОЛОВИНА

БРЮГГЕ

Ночью руки до плеча растаютъ —
Мы крылаты снова на досугѣ.
Ночью души наши улетаютъ
На каналы въ позабытый Брюгге.
Чинно звѣзды сторонятся въ небѣ,
И туманы, подколовъ вуали,
Насъ ведутъ туда, гдѣ черный лебедь
Подъ мостомъ вздыхаетъ на каналѣ.
Спятъ кружевницы въ своихъ подвалахъ
И во снѣ привычными руками
Ворожатъ въ узорахъ небывалыхъ,
Что цвѣтутъ вверху надъ чердаками.
Городъ спитъ въ неотзвенѣвшихъ звонахъ,
Въ мѣдныхъ звукахъ — горестныхъ и чистыхъ, —
Темный городъ брошенныхъ влюбленныхъ
И съ маршрута сбившихся туристовъ.
А когда колокола застонутъ
И кружевницъ ослѣпятъ рыданья,
Насъ лучи готическіе тронутъ
И мы птицамъ скажемъ: до свиданья. . .
Мы уже опаздываемъ, птицы,
И давно, въ Парижѣ или Прагѣ,
Колютъ тѣло стынущее шприцемъ
И на полкахъ ворошатъ бумаги.

ВЕСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА

На учетѣ: поэты и птицы.
Спятъ всю зиму, укутаны ватой.
Лишь весной подымаетъ рѣсницы,
Пробуждаясь, послѣднiй глашатай.
Въ мартѣ спросъ на весну необъятенъ.
Дѣлятъ городъ по спискамъ на части
И уже раздаютъ съ голубятенъ
Въ синихъ термосахъ пѣсни и счастье.
Въ полумракѣ земного гаража —
Корабли, оснащенные раемъ. . .
Люди, люди, у насъ распродажа,
Мы послѣднiе, мы вымираемъ.
Насыщайтесь тоской поскорѣе,
Разбирайте любовь по котомкамъ,
Стройте замки-оранжереи
Нашимъ блѣднымъ безкрылымъ потомкамъ.
Чтобы дѣти узнали отъ взрослыхъ,
Что потеряно нѣкогда ими,
Видя птицъ, что уже безголосы,
И поэтовъ — глухонѣмыми. . .
Ставьте радiо-усилитель
На скворешни и на костелы,
И пусть водитъ по скверу учитель
Въ чинныхъ парахъ воскресныя школы.
Пусть, ломая границы тиража,
Разлетаются наши сонеты. . .
Души, души, у насъ распродажа,
Мы послѣднiя птицы-поэты!

ЛЮБОВЬ

Это солнечное копье,
Ударяя огнемъ съ высотъ,
Надломило сердце мое
Осторожно, какъ свѣжій сотъ.

Защищаться отъ счастья — лѣнь.
Ты стихи мои перечелъ,
И они открываютъ день
Подъ окномъ суматохой пчелъ.

И въ густую траву упавъ,
Я прищурясь гляжу и жду,
Что мой розовый рой въ рукавъ
Возвратится, понявъ бѣду.

Подъ прохладную кисею,
Гдѣ въ рукѣ запѣваетъ кровь,
Гдѣ я злые цвѣты таю
Для небесныхъ моихъ роевъ. . .

Но противиться счастью — лѣнь.
Счастье лѣтнее безъ границъ. . .
Вотъ стихи мои льются въ тѣнь,
Выбираютъ новыхъ царицъ.

И забывши въ іюльскій зной
Разлинованный свой уютъ,
Темный улей любви земной
Населяютъ и узнаютъ. . .

ВЯЧЕСЛАВЪ ЛЕБЕДЕВЪ

НОРДЪ-ОСТЪ

Свистятъ вѣтра́ надъ зеленью морей,
Взвивая дымъ у хижины прибрежной,
Въ остывшій день, такой цвѣтной и нѣжный,
Пронзительныхъ, холодныхъ январей,
Когда скрипятъ у старыхъ суденъ кости
И рвутся ставни крыльями съ домовъ
Въ пустомъ порту, принявшемъ моряковъ,
Въ передвесеннемъ, длительномъ нордъ-остѣ...

... И согрѣвая руки у огня,
Пьетъ въ кабачкѣ золотоглазый янки
Зеленый ромъ и щедро даритъ франки,
Честь корабля и націи храня.
И хохоча, свои морскія шутки
По десять разъ всѣмъ повторяетъ вслухъ
И на окошкѣ давитъ пальцемъ мухъ,
Минутной грустью провожая сутки.

А толстый котъ, лѣнивый сынъ судьбы,
Лиловый глазъ мечтательно сощуривъ,
Поетъ о снахъ и презираетъ бури
Въ теплѣ лежанки у печной трубы...
... Стихаютъ дни. И въ будкѣ полосатой
Стоитъ солдатъ и смотритъ, какъ вдали
Отъ пристани уходятъ корабли
Въ оранжевые, мерзлые закаты...

НА ДАЛЬНЕМЪ ПУТИ

Вотъ такъ — поля и бѣлый домъ. . .
Блѣднѣетъ день въ лазури ясной
И мѣсяцъ маленькій и красный
Опять родился надъ прудомъ.
Все такъ же, въ Тулѣ или въ Прагѣ,
Идутъ дожди, шумятъ лѣса,
И молодые голоса
Поютъ по вечерамъ въ оврагѣ.
И та же жизнь — любви и встрѣчъ
Неизреченная осанна. . .
Какъ можетъ сердце уберечь
Все то, что помнитъ такъ туманно?. . .

— Быть можетъ, сѣверные дни
Еще сиреневѣй и тише.
И сердцу, можетъ быть, сродни
Вѣтрякъ, соломенныя крыши,
Поля, дороги, скрипъ телѣгъ,
Божница на мосту покатомъ,
И голубой, вечерній снѣгъ
Подъ нѣжнымъ розовымъ закатомъ.
Но что же сдѣлать я могу? . .
Какъ съ неизбѣжностью поспорю. . .

— Такъ отъѣзжающіе въ море
Грустятъ о дняхъ на берегу.
И кажется каюта душной. . .
Но что жъ. . . Дорога — далека.

И сердце учится послушно
Словамъ чужого языка...

НЕБЕСНАЯ ЗЕМЛЯ

Всегда о нѣжности, всегда о небываломъ,
Не о себѣ, — черезъ границы дня...
Земнымъ дѣламъ, такимъ пустымъ и малымъ,
Мой легкій щитъ — не выдавай меня!..

...Всегда о нѣжности, и пусть всегда не кстати,
Все попусту, все съ сердцемъ невпопадъ,
Все — странникомъ, куда глаза глядятъ,
И воиномъ миролюбивой рати.

Не о земномъ, — но о землѣ моей,
Простыхъ сердецъ вечернемъ водопоѣ;
О кротости — черезъ границы дней,
О нѣжности — черезъ границы вдвое...

— Мой легкій щитъ, мое копье, мой мечъ,
Моя любовь!.. — И вотъ опять приснится:
Сквозь глубь ночей, чтобъ всей душой истечь, —
Твои неизъяснимыя рѣсницы...

БЕЗСОННИЦА ВТОРАЯ

Ни голодомъ, ни жаждой, ни разлукой. . .
Закрыть глаза. . . А сердце сквозь года,
Сквозь жизнь стрѣлою, пущенной изъ лука,
Летитъ впередъ — и канетъ безъ слѣда,
Еще любя, и все тѣснѣй и туже. . .
И взглядъ внимательный съ сосѣдней изъ планетъ,
Пройдя землей, нигдѣ не обнаружитъ
Моей любви и кратко скажетъ — «нѣтъ!». . .
. . . А въ легкомъ снѣ, — и тамъ я буду лишнимъ —
Что повторитъ, что вспомнитъ жизнь твоя?
Быть можетъ — классъ, быть можетъ — садъ и вишни,
И за холмомъ вечерніе края. . .
И только стихъ споетъ о небываломъ.
Но этой ложью сердцу не помочь.
— И снова вижу комнату и ночь,
И сбившееся на́-полъ одѣяло. . .

ВЛАДИМІРЪ МАНСВЕТОВЪ

ПРИЗРАКЪ

Казалось — не бритъ былъ, а вправду — не-
признанъ
и бѣденъ диковинно: отъ пиджака
потертаго и — до потери отчизны,
почти до потери души...
Подъ жука
брюзжалъ и, назойливый, злясь и тревожась,
и чувствуя: больше такъ вчужѣ-невмочь,
онъ росъ, до разсвѣта блуждая, до дрожи, —
какъ дождь взбудораживъ безсонницей ночь.
Разсвѣтъ начинался простыми стихами,
въ которыхъ онъ жилъ находу — невпопадъ —
и слушалъ эпохи глухое дыханье —
какъ мокрыя окна открыто храпятъ.
Душа незамѣтно терялась; взамѣнъ ей
стихи изо рта выходили, какъ паръ. —
Тамъ холодно было, гдѣ въ недоумѣньи
и вслухъ — самъ съ собой разговаривалъ паркъ.
— Какъ заспанно время и, люди, теперь вамъ
уже не увидѣть за тяжестью вѣкъ —
онъ мается въ маѣ, дыша двадцать первымъ
иль воздухъ его — восемнадцатый вѣкъ.
— Онъ, можетъ быть, былъ бы тогда Каліостро
(искусства чудачить не стать занимать)
пѣвучій, огромный, блуждающій островъ,

— о, пѣвчая жизнь! — не пора-ли устать? ..
Что дѣлать, — какой небывалою силой
вернуть ему міръ вашъ, какъ дѣтство, какъ миѳъ.
Какъ пусто еще, какъ заря исказила
черты его, до крови ротъ закусивъ. . .
И съ солнцемъ, осунувшись — въ синей молочной
построчной невнятицей грудь утоливъ, —
заоблачный, легкій и, вѣрно, заочный
плылъ призракъ наверхъ, — машинально, какъ
лифтъ.

Листья падали. И каждый самураемъ
желтый и сухой стылъ въ травѣ ничкомъ.
Дачи шли вдали и тихо замирали,
Ночь текла лирическимъ сверчкомъ.

Садъ былъ звонкой выдумкою Гоцци
и, какъ именинникъ, оживленъ.
Облако болтало у колодца
о Египтѣ съ гибкимъ журавлемъ.

Въ озеркѣ сверкали зеркалами —
лубочными — лунные лучи.
(Садъ былъ въ общемъ вправду), но какъ на
рекламѣ
лѣтняго курорта, нарочитъ.

И молніеносно просвѣтленнымъ тѣломъ
ты туда входила съ легкостью ведеттъ.
Пѣла и смѣялась: ты красивъ, Отелло...
— Мгла кренилась бѣлой яхтой на водѣ.

Плылъ сверчокъ контролемъ изъ глухой таможни,
лирикой безпечной трели уснастивъ.
И уже, казалось, было невозможно
мачты, снасти и мечты снести.

Смерть жила въ саду, какъ въ пистолетѣ,
мигъ еще и хлынетъ изъ ствола.
Пролетѣло лѣто. Шли столѣтья.
Ты, какъ на эстрадѣ, умерла.

А къ разсвѣту съ нимъ совсѣмъ неизъяснимо
связанный и вновь какъ незнакомъ,
міръ былъ странно скученъ (неудачный снимокъ
дачъ, пронзенныхъ первымъ сквознякомъ).

ТАТЬЯНА РАТГАУЗЪ

ОПЕРАЦІЯ

Билъ эфиръ въ виски. Тугое тѣло
Синеватымъ паромъ истекло,
Молчаливый ангелъ въ маскѣ бѣлой
Небо втиснулъ въ тонкое стекло.
И звенѣла сталь на полкахъ шкапа
Остріями неотлитыхъ пуль.
Капали густыя капли на полъ
И перебивали рѣдкій пульсъ.
И никто не видѣлъ и не слышалъ,
Какъ, взлетѣвъ эфирнымъ холодкомъ,
Сердце — голубь розовый — на крышу
Опустилось звонко и легко.
И остановивъ часы и годы,
Перепутавъ мѣсяцы и дни,
Сквозь небесъ полуденную воду
Проступали звѣздные огни.
Шли удары тяжело и рѣдко,
Голубиный перебивъ полетъ;
Это смерть, въ грудной огромной клѣткѣ,
Пробивалась медленно сквозь ледъ.
А когда тяжелыя рѣсницы
Проломили звѣздную дугу,
Жизнь пришла со злымъ укусомъ шприца,
Съ горькимъ жаромъ искривленныхъ губъ.

Вода густая у мостовыхъ дугъ,
Или дурманное томленье газа,
Иль дула холодѣющаго кругъ
У пристально расширеннаго глаза;
Не все ли намъ равно, въ какую дверь
До насъ изъ этой жизни уходили
И на какомъ углу насъ встрѣтитъ смерть
Порывистымъ гудкомъ автомобиля?
Вѣдь самое простое, можетъ быть, —
Упасть съ раскинутыми врозь руками,
Увидѣть солнце въ лужахъ голубыхъ
И лечь лицомъ на отсырѣвшій камень;
Чѣмъ долго ждать и плакать и старѣть,
Отъ неизбѣжной убѣгая встрѣчи,
Когда уже давно въ календарѣ
День нашей смерти праздникомъ отмѣченъ.

ЭМИЛІЯ ЧЕГРИНЦЕВА

ВАЛЬСЪ

Расцвѣтай, моя ночь, и касайся
шелковистымъ подоломъ людей!
Мы плывемъ по широкому вальсу
въ голубой невѣсомой ладьѣ.
Опустѣвшіе столики пѣной
осѣдаютъ за нами въ винѣ,
и качается жизнь, какъ сирена
на блестящей паркетной волнѣ.
Отъ расплывчатой мглы ресторана
навсегда отплывая вдвоемъ,
голубыя забытыя страны
мы, какъ молодость, снова найдемъ.
Мѣдный вѣтеръ смететъ дирижера,
раскачаетъ простѣнки прибой,
въ повторенныхъ зеркальныхъ просторахъ
станетъ тѣсно кружиться съ тобой.
И круги расширяя за залы,
покидая, какъ пристань, паркетъ,
разобьемся мы грудью о скалы —
объ высокій холодный разсвѣтъ.

IV

РАИСА БЛОХЪ

Растеряла по дорогамъ годы,
Отпустила по вѣтру друзей.
Что жъ осталось отъ моей свободы,
Что осталось мнѣ отъ жизни всей?

Только солнца дымъ неуловимый,
Что къ травѣ сіяющей приникъ,
Только сердца стукъ неутомимый —
Тишину внушающій языкъ.

Господи! Умереть бы сразу,
Никогда не поднять бы вѣкъ.
Не увидѣть небесъ алмаза,
Голубыхъ и горячихъ рѣкъ.
Господи! Потонуть бы сразу,
Позабыть бы себя навѣкъ.

Долго ли я скитаться буду,
Раздавать, расточаться всюду
И отъ скудости умирать?

Ты пошли мнѣ совсѣмъ простое
Золотое счастье земное,
Или дай мнѣ уснуть опять.

Налетаетъ вѣтеръ длиннокрылый,
Заметаетъ по дорогамъ слѣдъ.
Чтобъ не помнить намъ того, что было,
Не искать, чего ужъ больше нѣтъ;

И струится небо голубое,
Острова сѣдые унося,
Чтобъ намъ жить въ безоблачномъ покоѣ,
Ни о чемъ у Бога не прося.

Ну а сердце, сердце не умѣетъ,
Неуклонно темное зоветъ.
Для него напрасно вѣтеръ вѣетъ,
Истекаетъ солнцемъ небосводъ.
Ничего оно не разумѣетъ,
Объ одномъ твердитъ который годъ.

Принесла случайная молва
Милыя, ненужныя слова:
Лѣтній Садъ, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетныя, куда?
Здѣсь шумятъ чужіе города
И чужая плещется вода.

Васъ не взять, не спрятать, не прогнать.
Надо жить — не надо вспоминать.
Чтобы больно не было опять.

Не итти вѣдь по снегу къ рѣкѣ,
Пряча щеки въ пензенскомъ платкѣ,
Рукавица въ маминой рукѣ.

Это было, было и прошло,
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого такъ пусто и свѣтло.

НИКОЛАЙ БѢЛОЦВѢТОВЪ

Изъ опротивѣвшей норы,
Вдыхая ѣдкій запахъ гари,
Сквозь дождь, туманы и пары,
Чтобъ гдѣ нибудь въ укромномъ барѣ...
И до разсвѣта... А потомъ
У опустѣвшихъ ресторановъ,
Ища растерянно свой домъ
И неожиданно воспрянувъ,
Въ испугѣ крикнувъ: — О, приди!..
О, Эвридика!.. И кромѣшный
Увидѣвъ сумракъ впереди,
Понуро, горько, безутѣшно,
Забывъ достоинство и стыдъ,
Столичнымъ дѣвкамъ на потѣху,
Не помня словъ, не слыша смѣху,
Пѣтушьимъ голосомъ навзрыдъ...

Все о томъ, что годы, что сребристы
Вечера, что поздно... Все о томъ!..
Бьются волны въ грудь твою, какъ въ пристань,
Угрожая штормомъ и дождемъ.

Все о томъ, да, все о томъ, что въ тѣсномъ,
Деревянномъ, черномъ и простомъ...

А потомъ въ огромномъ, неизвѣстномъ,
Молчаливомъ небѣ... Все о томъ!..

И о томъ, что ночь томится въ плачѣ,
И о томъ, что звѣзды такъ блѣдны,
И о томъ, что въ мірѣ все иначе,
Что незрячимъ снятся только сны...

МИХАИЛЪ ГОРЛИНЪ

Мокрою, рѣдѣющей листвою
Снова день объ эти окна бьется.
Я не плачу, не ломаю руки,
Про другія вспоминая руки.
Только слухъ растетъ неодолимо
Съ торопливымъ робкимъ напряженьемъ,
И сквозь тишь стеклянную несмѣло
Тонкій звонъ несется, слабый голосъ.
Ты поешь надъ обнищалой жизнью,
Золотая грусть воспоминанья.

О птица, о звѣзда моя,
О дальняя моя,
Въ глухую полночь за море
Взлетаетъ пѣснь звеня.

Надъ чернотою осени,
Надъ черною водой
Крылатымъ вѣтромъ взносится
Мой голосъ молодой,

Спѣшитъ по бездорожію,
Одолѣваетъ тьму.
Въ твоемъ высокомъ городѣ
Ты внемлешь ли ему?

Ты слушаешь ли бережно
Лепечущую ночь,
Своей тоской довѣрчивой
Ты хочешь ли помочь? . .

Ахъ, пустота пуста, мой другъ,
Ахъ, темнота темна.
Легла, легла разлукою
Большая тишина.

Изъ мути одиночества,
Изъ мутной черноты
Настойчивымъ пророчествомъ
Стремятся вдаль мечты.

Я жду, упрямо вѣруя,
Тебя, тебя одну,
Жду, что откроешь двери мнѣ
Въ прозрачную весну.

Мы съ тобой бродили по старинному городу;
Надъ нами прозрачные своды спѣшили въ лазурь,
Мраморныя нифмы ниспадали въ брызгахъ
фонтановъ,
Золотые орлы со шпилей пытались взлетѣть.

Но намъ было грустно. Такъ въ праздничный полдень
Еще печальнѣй томитъ обычный разладъ.
Такъ еще больнѣй ощущаешь всю пыль переживаній
Отъ слишкомъ ужъ громкаго слова: любовь.

И намъ казалось: мы сидимъ въ загаженной пріемной,
Гдѣ рыжая рухлядь вазъ и плѣсень ковровъ,
И перебирая кипы грязныхъ забытыхъ журналовъ,
Видимъ тамъ этотъ городъ и въ немъ — себя.

ЮРІЙ ДЖАНУМОВЪ

Болѣзнь — привалъ. За долгій путь
Соблазнъ устать кому невѣдомъ?
Свалиться съ ногъ, чтобъ отдохнуть,
Зарывшись въ жаръ, забывшись бредомъ.

Болѣзнь — привалъ. Дорога ждетъ,
А ты прилегъ въ травѣ, подъ скатомъ;
Дорожный, грузный тюкъ заботъ
На время снятъ и брошенъ рядомъ.

На солнцепекѣ смотришь въ синь,
Гдѣ облака, какъ гроздь жемчужинъ. . .
Въ лѣнивомъ счастьѣ ты — одинъ,
Тебѣ никто, никто не нуженъ.

Дорога ждетъ, но ты лежи
Съ блаженнымъ ядомъ въ жаркомъ тѣлѣ;
Подъ вечеръ рядомъ, въ желтой ржи
Сверчокъ вдругъ зачинаетъ трели.

Какъ хорошо! Поющій звонъ,
Какъ дальній благовѣстъ, — не звонче,
Все тише, глуше, дальше онъ
И вотъ — умолкъ. . . Твой отдыхъ конченъ.

. . . .

Но иногда поетъ сверчокъ,
А онъ все длится, — лучшій вечеръ;

Твой, ставшій легкимъ, узелокъ
Другой беретъ себѣ на плечи.

Тогда тебѣ не нужно словъ
И даже жалости — не нужно...
Перешагнувъ воздушный ровъ,
Въ тѣхъ облакахъ бредешь жемчужныхъ.

И вновь надъ Берлиномъ сентябрьская просинь...
Мы вспомнимъ когда-нибудь эти недѣли!
Какъ пасынки, вспомнимъ чужбинную осень
Подъ дремныя пѣсни россійской метели.

Когда-нибудь вспомнимъ пути и заставы,
Стоянки и даты большого кочевья:
Мосты подъ-надъ Сеной, трущобы Варшавы
И лондонскихъ парковъ ночныя деревья.

И вспомнимъ тебя, непріютный, громоздкій,
Огромный пакгаузъ... Ваннзейскія воды
Угрюмый Тиргартенъ, огни перекрестковъ, —
Мы вспомнимъ, Берлинъ, эти хмурые годы:

Какъ листъ опадалъ, какъ дожди моросили,
Какъ чахлымъ снѣжкомъ обрастали панели,
Какъ множились въ тегельской глинѣ могилы...
Когда-нибудь — тамъ, гдѣ родныя метели.

СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

Лѣпились домики похожіе на скалы
И городъ былъ коричневый утесъ.
Соборъ главу надъ крышами вознесъ,
Бѣлье на площади старуха полоскала.

Вставало утро пламенной стѣной,
Отъ вѣтра разукрашено и сухо,
За стеклами сіяющей мясной
Жужжала разъярившаяся муха.

И улица походкой старика
Съ горы спускалась медленно и криво,
Подъ солнцемъ выцвѣтали такъ лѣниво
Небесные тяжелые шелка.

И пахло бочкой кислое вино
И погреба прохладой темнокрасной,
И не было поспѣшности напрасной,
Но каждый зналъ, что каждому дано
Лишь то, что осязаемо и ясно
И до конца въ себѣ завершено.

ТИХІЙ ШУМЪ

Когда, въ приморскомъ городкѣ,
средь ночи пасмурной, со скуки
окно откроешь, — вдалекѣ
прольются шепчущіе звуки.

Прислушайся и различи
шумъ моря, дышащій на сушу,
оберегающій въ ночи
ему внимающую душу.

Весь день невнятенъ шумъ морской,
но вотъ проходитъ день незванный,
позванивая, какъ пустой
стаканъ на полочкѣ стеклянной, —

и вновь, въ безсонной тишинѣ
открой окно свое пошире,
и съ моремъ ты наединѣ
въ огромномъ и спокойномъ мірѣ.

Не моря шумъ, — въ часы ночей
иное слышно мнѣ гудѣнье:
шумъ тихій родины моей,
ея дыханье и біенье.

Въ немъ всѣ оттѣнки голосовъ,
мнѣ милыхъ, прерванныхъ такъ скоро, —
и пѣнье пушкинскихъ стиховъ,
и ропотъ памятнаго бора.

Отдохновенье, счастье въ немъ,
благословенье надъ изгнаньемъ. . .
Но тихій шумъ не слышенъ днемъ
за суетой и дребезжаньемъ.

Зато — въ полночной тишинѣ
внимаетъ долго слухъ неспящій
странѣ родной, ея шумящей,
ея безсмертной глубинѣ. . .

ТѢНЬ

Къ намъ въ городокъ пріѣхалъ въ гости
бродячій циркъ на семь ночей.
Блистали трубы на помостѣ,
надулись щеки трубачей.

На площадь, убранную странно,
мы всѣ глядѣли, — синій мракъ,
соборъ святого Іоанна
и сотня пестрая зѣвакъ.

Дыханье трубы затаили,
и надъ безшумною толпой
вдругъ тишину переступили
куранты звонкою стопой.

И въ вышинѣ, передъ стариннымъ
соборомъ, на тугой канатъ,
шестомъ покачивая длиннымъ,
шагнулъ, сіяя, акробатъ.

Курантовъ звонъ, который длился,
пока въ немъ пребывалъ Господь,
какъ будто въ свѣтъ преобразился
и въ вышинѣ облекся въ плоть.

Стѣна соборная щербата
и ослѣпительна была;
тѣнь голубая акробата
подвижно на нее легла.

Все выше, надъ рѣзьбой портала,
гдѣ въ нишѣ — статуя и крестъ,
тѣнь угловатая ступала,
неся свой вытянутый шестъ.

И вдругъ надъ башней съ циферблатомъ,
ночною схваченъ синевой,
исчезъ онъ съ трепетомъ крылатымъ —
прелестный обликъ тѣневой!

И снова заиграли трубы, —
межъ тѣмъ какъ, потенъ и тяжелъ,
въ погасшихъ блесткахъ, гаеръ грубый
за подаяньемъ къ намъ сошелъ.

СОЛНЦЕ

Слоняюсь переулками безъ цѣли,
прислушиваюсь къ древнимъ временамъ:
при Цезарѣ цикады тѣ же пѣли,
и то же солнце сталось по стѣнамъ.

Поетъ платанъ, и стволъ въ пятнистомъ блескѣ;
поетъ лавченка; можно отстранить
легко звенящій бисеръ занавѣски:
поетъ портной, вытягивая нить.

И женщина у круглаго фонтана
поетъ, полощетъ синее бѣлье, —
— и пятнами ложится тѣнь платана
на камни, на корзину, на нее.

Какъ хорошо, въ поющемъ мірѣ этомъ
скользя плечомъ вдоль мѣловыхъ оградъ,
быть русскимъ заблудившимся поэтомъ
средь лепета латинскаго цикадъ!

ВЪ РАЮ

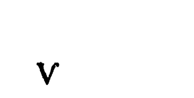
Моя душа, — за смертью дальной
твой образъ виденъ мнѣ вотъ такъ:
натуралистъ провинціальный,
въ раю потерянный чудакъ.

Тамъ въ рощѣ дремлетъ ангелъ дикій, —
полупавлинье существо...
Ты любознательно потыкай
зеленымъ зонтикомъ въ него,

соображая, какъ сначала
о немъ напишешь ты статью,
потомъ... Но только нѣтъ журнала
и нѣтъ читателей въ раю.

И ты стоишь, еще не вѣря
нѣмому горю своему...
Объ этомъ синемъ, сонномъ звѣрѣ
кому разскажешь ты, кому?

Гдѣ міръ и названныя розы,
музей и птичьи чучела?
И смотришь, смотришь ты сквозь слезы
на безымянныя крыла...

V

АЛЕКСѢЙ АЧАИРЪ

ЛАДЬЯ ХРОНОСА

Мои часы показываютъ полночь,
твои — разсвѣтъ.
Не огорчайся, другъ мой юный, полно! —
Что тьма, что свѣтъ?

Причалилъ Хроносъ, — торопись, прощайся, —
упрямъ старикъ. . .
За равенство, за молодость, за счастье,
за первый мигъ! . .

Ни ты, ни я не говорили: поздно! —
Но часъ пришелъ.
И снова ночь, и снова ночь морозна
И хорошо:

ни тосковать, ни вспоминать не надо,
себя виня.
За поздній часъ и для тебя расплата,
и — для меня.

Не огорчайся, другъ мой юный, полно! —
что тьма, что свѣтъ?
Отъ грани дня отчалившая полночь
плыветъ — въ разсвѣтъ.

БЕЗСОННИЦА

Какъ голову отъ гильотины
палачъ беретъ за волоса,
такъ смотрятъ въ милые глаза.
Такъ всматриваются въ картины
въ незримо тайныя полотна
непостижимыхъ мастеровъ,
когда прищурены остро
глаза и сжаты губы плотно.

Вставай... И, оторвавъ отъ ложа
шальную голову едва,
я снова — тотъ, я — мертвый — ожилъ,
и кругомъ ходитъ голова.

И свѣтомъ дня струится небо,
и кто-то ласково: пиши!..
И я пишу про бредъ и небыль
сомнамбулической души.

АРСЕНІЙ НЕСМѢЛОВЪ

Ловкій ты и хитрый ты
Остроглазый чортъ.
Архалукъ твой вытертый
О коня истертъ.

На плечахъ отъ споротыхъ
Полосы погонъ.
Не осилилъ спора ты
Лишь на перегонъ.

И дичалъ все болѣе
И несли враги
До степей Монголіи,
До слѣпой Урги.

Горъ песчанныхъ рыжики,
Зноя каминокъ.
О колѣно ижевскій
Поломалъ клинокъ.

Но его не выбили
Изъ безпутныхъ рукъ.
По дорогамъ гибели
Мы гуляли, другъ!

Раскаленный до-бѣла
Отзвенѣлъ песокъ,

Видно, время пробило
Раздробить високъ.

Вольный вѣтеръ клонится
Замести тропу...
Отгуляла конница
Въ золотомъ степу!

ЗА

За вечера въ подвижнической схимѣ,
За тишину, прильнувшую къ стеклу...
За чистоту. За ласковое имя,
За вытканное пальцами твоими
Прикосновенье къ моему лицу.

За скупость словъ. За клятвенную тяжесть
Ихъ, поднимаемыхъ съ глубинъ души,
За щедрость глазъ, которые, какъ чаши,
Какъ нѣжность подносящіе ковши.

За слабость рукъ. За мужество. За мнимость
Неотвратимостей отвергнутыхъ. И за
Неповторяемую неповторимость
Игры безъ декламаторства и грима,
Съ финаломъ, вдохновеннымъ, какъ гроза.

ПАРТИЗАНЫ

Темная летящая вода
Море перекатывала шкваломъ.
Говорила путникамъ она
Въ рупоръ бури голосомъ бывалымъ.

Старый трехцилиндровый моторъ
Мучился, отсчитывая силы,
Но волна, перешагнувъ просторъ,
Била въ бортъ, и шкуну относило
Съ курса, правильнаго какъ стрѣла...

Черная и злая ночь была!

Въ трюмѣ керосиновый угаръ,
Копоть на металлѣ маслянистомъ,
Лампы сумасшедшая дуга
Надъ моторомъ и надъ мотористомъ.
А борта наскальживаетъ свистомъ
Волнъ и вѣтра скользкая пурга.

А пониже ящики. Вдоль стѣнъ,
Въ дохахъ, вывернутыхъ по медвѣжьи,
Лица спрятавъ въ выступы колѣнъ,
Люди каменнаго побережья.

Пальцевъ закорузлая кора,
Въ пальцахъ — черные винчестера.

Завтра, въ бухтѣ, скрывшей отъ врага
Черные, упавшіе въ лагуну,
Красные отъ кленовъ берега,
Разгрузивъ трепещущую шкуну, —
Будутъ вглубь до полночи шагать.

А потомъ японскій броневикъ
Вздрогнетъ, расхлябяснутъ динамитомъ.
Красный конь, колеса раздробивъ,
Брызнетъ оземь огненнымъ копытомъ.

И за сопки, за лѣсной аулъ,
Перекатитъ ночь багровый гулъ.

Подъ шляпы — отъ свѣта,
Въ подушки — отъ шума,
Отъ вѣтра и ночи —
Подъ воротники,

Уходимъ, какъ въ Лету,
Уходимъ угрюмо,
Чудимъ и бормочемъ
И пишемъ стихи.

ИЗБРАННИКЪ

Звѣреныши — древнія дѣти —
До крови кусали сосцы
И словно отъ жала и плети
Не скоро терялись рубцы.

И юноши старцевъ суровыхъ,
Сѣдыхъ, какъ цари и орлы,
Безпомощныхъ въ битвахъ и ловахъ,
Свергали съ Тарпейской скалы.

Но было блаженнымъ служенье
Родиться, расцвѣсть и любить,

Зачатьемъ, рожденьемъ, кормленьемъ
Живую завязывать нить.

И нынѣ, какъ въ кущахъ старинныхъ
У райскихъ деревъ молодыхъ,
Сплетаются плоти невинныхъ
И души безкрылыя ихъ.

А ты обернулся монахомъ,
Летанье свое возлюбя,
И ложе земное — какъ плаха
Позорнѣйшая для тебя.

А ты — за свое превосходство
Въ иное глядѣть бытіе —
Отвергъ и свое первородство
И древнее имя свое.

Земные — блаженные — пылью
Земною блаженны — а ты
Избралъ безутѣшныя крылья
И свѣты ночной высоты.

Отверженникъ бѣдный! — и взлеты
И бездны твои холодны,
И пѣсни твои и высоты
Для слуха земного страшны.

НИКОЛАЙ ЩЕГОЛЕВЪ

Дни, сотканные изъ тумана,
Вновь начинають возникать...
Вначалѣ — больно, нынче странно
Мнѣ отрочество вспоминать.

Прекрасная пора... Готовность
Растаять въ солнечныхъ лучахъ,
Застѣнчивость во всемъ, неровность,
Непостоянство въ мелочахъ.

Нетронутая свѣжесть, дѣтскость
Высказываній въ дневникѣ,
Кокетство дѣвочки сосѣдской,
Колечко на ея рукѣ.

Ея очки — «очкастый ангелъ» —
Размолвка, мой приходъ домой,
Гимнастика, поднятье штанги
Надъ возбужденной головой.

А нынче — призракъ олимпійства,
Пріобрѣтеннаго въ тиши...
Незримое самоубійство
Незрѣлой маленькой души.

VI

ВѢРА БУЛИЧЪ

Улыбаемся и плачемъ,
Утѣшаемъ: погоди! —
Сердца маятникъ горячій
Бьется, мается въ груди.

Не часы, не дни, не годы —
Времени для сердца нѣтъ.
Въ немъ иные переходы,
Смѣны, смуты, тьма и свѣтъ.

О любви и о разлукѣ,
О небесномъ и земномъ. . .
Тише, глуше, рѣже звуки,
Ближе, выше Вѣчный Домъ.

Полное тоски и крови
Будетъ маяться, пока
Маятникъ не остановитъ
Неподвижная рука.

Но не можетъ быть, чтобъ гдѣ-то
Отъ біенья долгихъ лѣтъ,
Колебаній тьмы и свѣта
Не остался смутный слѣдъ.

Облокотясь о милыя колѣна,
Слѣдить, какъ всходитъ, медля, чуть смутна,
За стогомъ хрусткаго сухого сѣна
Тяжелая медовая луна.

Насыщенъ воздухъ сочнымъ ароматомъ
Нескошеннаго клевера полей.
Съ деревни тянетъ дымомъ горьковатымъ.
Во ржи тягучій скрипъ коростелей.

... Мы сѣно теплое съ тобой разсыпемъ,
Чтобъ лечь среди прожженныхъ солнцемъ травъ,
И, лунный медъ съ росой мѣшая, выпьемъ
Сладчайшую изъ всѣхъ земныхъ отравъ.

СЕРГѢЙ ВОЙЦЕХОВСКІЙ

НА РУССКОЙ ГРАНИЦѢ

Цѣловать ли тебя — не знаю.
Кто ты — мать или лютый врагъ?
Подъ твои небеса вступая,
Я, какъ нищій, и сиръ и нагъ. . .
Сколько разъ я объ этой встрѣчѣ
Тщетно думалъ въ чужихъ домахъ —
Преклоняя покорно плечи,
Я цѣлую твой сѣрый прахъ.
Витязь вѣрный твоей свободы,
Все готовъ я тебѣ отдать,
Но проходятъ, проходятъ годы,
И опять я иду, какъ тать,
Пробираюсь лѣсной дорогой
И, какъ звѣрь, притаясь въ глуши,
Умоляю неслышно Бога
О покровѣ въ ночной тиши. . .
Да минуютъ же годы эти,
И да будетъ и мнѣ дано
При дневномъ, при свободномъ свѣтѣ
Постучаться въ твое окно.

Удалось однажды родиться.
Обѣщали: жизнь впереди.
Отъ надеждъ голова кружится.
Сколько силы въ плечахъ, груди.

Вотъ и юность. — Теперь ужъ скоро.
Вотъ и старость. — Гдѣ же? Когда?
— За окномъ: рѣшетка забора,
Телефонные провода.

Это все? — Конечно, до гроба.
Это жизнь? — А что же? — она.
— Значитъ, эта лишь такъ, для пробы,
Значитъ, будетъ еще одна.

Говорятъ, что были фараоны,
Что вселенная стоитъ милльоны лѣтъ,
Можетъ-быть. Но всѣ эти милльоны
Не мои. До нихъ мнѣ дѣла нѣтъ.

Міръ возникъ сравнительно недавно,
Съ тридцать лѣтъ назадъ. Исподтишка
Въ дѣтской разгорѣлся, своенравный,
Храпомъ няниным и лампой ночника.

И уйдетъ онъ такъ же незамѣтно:
Вмѣстѣ съ стульями и грохотомъ планетъ
Разсосется въ теми безпросвѣтной
Черезъ десять, двадцать, тридцать лѣтъ.

ИЛЬЯ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ

ПЕПЕЛЪ

Какъ пепла горсть чиста моя печаль,
Какъ пепла горсть легка.
Тоскѣ тщедушной болѣе внимать
Я не хочу,
Ни воплямъ изступленнымъ
Отчаянья,
Ни блѣдному похмѣлью
Сомнѣнія.
Довольно. Претворилось —
И на протянутыхъ моихъ ладоняхъ
Жемчужный пепелъ
Вижу,
Пепелъ дымный.
О вѣтеръ подневольный,
Развѣй души моей свободный даръ.
И въ чащахъ,
Осеннихъ, легкошумныхъ чащахъ,
И въ полѣ чистомъ, и на кручахъ дымныхъ
Возстанутъ призраки испепеленныхъ лѣтъ,
Безпамятныхъ летейскихъ береговъ,
И скрытные приснятся людямъ сны,
Печальные и легкіе...

Вокругъ волосъ твоихъ, янтарнѣй меда,
Уже давно мои витаютъ пчелы.
И сладостная тихая дремота
Нисходитъ въ опечаленные долы.

И золотая, юная комета
Тамъ, въ небесахъ, яснѣющихъ, пылаетъ.
Душа плыветъ въ волнахъ эфирныхъ свѣта,
Въ твой сонный міръ незримо проникаетъ,

И мы плывемъ — легчайшее видѣнье —
Очищенные огненною мукой,
Какъ двѣ души предъ болью воплощенья,
Передъ земною страшною разлукой.

Съ нечеловѣческимъ тупымъ разсчетомъ
стучать лопатой о песокъ замерзшій,
стучать лопатой о чужую землю,
чтобъ выбить изъ нея скупое право
на ночь безсонную —
на утомленный день,
отъ голода, отчаянья, надежды
пронзенный мелкой ненасытной
дрожью.

И вотъ,
блуждая въ пустотѣ изгнанья,
впадающей въ пустыню міровую,
я ощутилъ великое томленье,
необоримую тоску — тоску усталыхъ
по благостному дню отдохновенья.

Такъ бѣгства первый вынужденный шагъ
на бортъ спасительный чужого корабля
сталъ бѣгствомъ духа изъ всемірной стужи
къ безславному блаженству очага,
въ домашнее натопленное небо.

Пусть говорятъ, что не изъ скудныхъ крошекъ
случайнаго и черстваго даянья

насыпана походная землянка
скитальческой и безымянной жизни, —
что изъ высокихъ музыкальныхъ мыслей
возведено таинственное зданье,
въ которомъ Духъ великій обитаетъ —
ДОМЪ,
буквами написанный большими.

Адамъ, скиталецъ безпріютный — тѣло,
о, какъ же жаждетъ это прозябанье
простого деревяннаго уюта,
который вѣтеръ ледяной обходитъ, —
написаннаго съ маленькаго д,
пусть шаткаго, пусть временнаго
дома.

Дни мои. . . я въ нихъ вселяю страхъ —
взглядъ мой мертвъ, мертвы мои слова.
Ночью я лежу въ твоихъ рукахъ:
ты зовешь, цѣлуешь этотъ прахъ,
рядомъ съ мертвымъ трепетно жива.

Грѣешь тѣломъ холодъ гробовой,
жжешь дыханьемъ ребра, сжатый ротъ.
Безъ отвѣта, черный и прямой,
я лежу, и гулкой пустотой
надо мною ночь моя плыветъ.

И уноситъ пустотой ночной,
точно черные вѣнки водой,
годъ за годомъ, и встаетъ пуста
память, тьмой омытая... зимой
такъ пуста послѣдняя верста
на пути въ обѣщанный покой.

Ю. П. ИВАСКЪ

Въ сумеркахъ бѣлый локонъ
Чернаго вала бѣлѣетъ.
Люди глядятъ изъ оконъ,
Хмурятся и блѣднѣютъ.
Небо отъ слезъ распухло. . .
Черной дыша пустотою,
Юноша съ броунингомъ — рухнулъ
Въ самое простое.
Каркнулъ древній воронъ
Съ маленькой бѣлой отмѣткой,
А воробей проворный
Прыгнулъ съ вѣтки на вѣтку.
Дождикъ, глупый, спросонья
Слабо всхлипнулъ въ трубахъ.
Часто мои безъ спросу
Тихо шепчутъ губы.

Скоро въ силѣ и славѣ
Синіе сіяя снѣга
Сѣверъ свобода саванъ
Смерти суровый сонъ.

СТРАННИКЪ

Утро знакомое, тихое, раннее. . .
Спятъ пѣтухи по дворамъ.
Поле въ туманѣ. . . серебрянымъ пламенемъ
Къ дальнимъ уходитъ буграмъ.
Вѣтра ночного смущенныя ласками,
Травы покрылись росой;
Рдѣетъ болотце за кочками вязкими,
Мохъ, что коверъ. . . я босой
Тихо ступаю, растрепаны волосы,
Воздухъ вбираю, какъ медъ,
Слышу по памяти отзвуки голоса,
Образъ въ сознаньи встаетъ,
Все, что воспринято, жадно исхожено,
Все, чѣмъ богата земля,
Вѣтромъ мѣшается въ мысляхъ о прожитомъ,
Легкомъ, какъ слѣдъ корабля.

Въ бѣломъ сумракѣ пустынь
Ворожитъ и вѣетъ заметъ.
Отдаленный монастырь.
Дотлѣвающая память.

Двуязыкій ладъ псалма —
Плѣнъ и лепетъ древней скорби.
Съ прибережнаго холма
Взлетъ торжественный и гордый.

Въ черномъ звонѣ скалъ и льдинъ,
Въ заунывномъ кличѣ птицы,
За лампадою, одинъ,
Полагаю я страницы.

Ты легкимъ поцѣлуемъ тронешь
Разгоряченные виски.
Ты руки медленно уронишь,
Какъ яблонные лепестки.

А я услышу *тотъ*, упрямый,
Невѣроятный, легкій звукъ:
Дрожанье звѣздъ вотъ тутъ, надъ самой
Дугой твоихъ склоненныхъ рукъ.

И я увижу, у предѣла,
Два бѣлыхъ ангельскихъ крыла:
Душа опередила тѣло
И, легкая, осиротѣла
И, легкая, изнемогла.

Я вдругъ почую облегченье:
Какъ милый, но докучный грузъ,
Спадетъ любовь. Освобожусь.
И будетъ сладко мнѣ паденье,
Напоминающее взлетъ.
И станутъ несказанной былью
Мои-ли, ангельскія-ль крылья,
Пронзающія небосводъ.

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕРЪ

Одиночество каждой души,
Кто охватитъ тебя и измѣритъ?
День за днемъ пролетая спѣшитъ
Въ чемъ-нибудь навсегда разувѣритъ.

И въ нелѣпой дневной суетѣ,
Гдѣ послѣднія гибнутъ игрушки,
Только плачъ измѣнившихъ мечтѣ,
Причитанье убогой старушки.

Дологъ день на холодной землѣ,
Страшенъ день на безумье похожій,
Гдѣ же отдыхъ блаженный въ теплѣ,
Гдѣ же, ночь, твое тихое ложе?

Тогда чернѣли кипарисы
За монастырскою стѣной
И зной іюльскій, бѣлый зной
Лился изъ раскаленной выси.

И старый лодочникъ стоялъ,
Гребя съ улыбкой безучастной, —
Не первой пары лепетъ страстный
Онъ за спиною услыхалъ.

Въ его морщинистыхъ рукахъ
Весло покорное скользило,
А море пѣло и грозило
Въ давно сожженныхъ берегахъ.

Невыносимый полдня жаръ
Мѣшался съ вкусомъ поцѣлуя,
Рѣсницы жадныя, ликуя,
Скрывали тлѣющій пожаръ.

И лишь въ послѣдней глубинѣ
Пѣлъ тайный голосъ о разлукѣ, —
О смерти, гибели и мукѣ,
О долгожданной тишинѣ.

Надъ сердцемъ, надъ комочкомъ снѣга,
Опять склоняется весна,
Блаженной слабостью и нѣгой,
Какъ облакомъ, окружена.

И запахъ вянущихъ фіалокъ
Летитъ въ просторы площадей,
Кружатся стаи звонкихъ галокъ,
Поютъ кресты монастырей.

А тамъ, — на осликѣ мохнатомъ,
Лишь дѣтямъ зримый и цвѣтамъ, —

Вступаетъ Онъ... И ткань заката,
Какъ риза, падаетъ къ ногамъ.

И мальчикъ тянется погладить
Сѣдого ослика слегка,
И молятся, столпившись сзади,
Сіяющія облака.

Мнѣ мило комнаты молчанье,
Вещей таинственный покой,
Раздумье книгъ, лампадъ дыханье,
Иконы вѣнчикъ золотой;

Колючій снѣгъ за рамой зимней,
Дней слишкомъ краткихъ бѣлизна,
Во мглѣ серебряной и дымной
Пустынныхъ улицъ тишина.

И вольное уединенье,
И эти думы о тебѣ,
И въ часъ случайнаго сомнѣнья
Покорность свѣтлая судьбѣ.

КОНСТАНТИНЪ ХАЛАФОВЪ

ИЗЪ ПОЭМЫ «КАЛУГА»

Ночью выпалъ снѣгъ: внезапный, синій,
Повалилъ на церкви, на сады;
Улицы нѣжнѣе и пустыннѣй
Стали въ таломъ запахѣ воды.
Къ утру въ полусвѣтѣ синеватомъ
Оснѣженныхъ крышъ, домовъ, оградъ,
Тонко, далеко и хрипловато
Пѣтухи пропѣли — въ снѣжный чадъ.
Будній, скучный день; въ стеклѣ оконномъ
Вѣтви дуба черныя и снѣгъ;
А въ саду качаются вороны
И съ вѣтвей стряхаютъ мокрый снѣгъ.
Каркнутъ, комъ уронятъ и присядутъ,
Замахаютъ. . . тонутъ — въ снѣжный чадъ.
А въ снѣгу, у сѣренькой ограды
Кустиками чортики торчатъ.
Синій вечеръ. Дали пурговыя
Коченѣютъ въ сизой темнотѣ.
Молится въ пелены снѣговыя
Сердце предстоящее мечтѣ.

Закрутились бѣлой вьюгой черти,
Улетѣли въ снѣжный переплетъ.
Теплымъ, майскимъ вечеромъ, въ концертѣ,
Танцовали дѣвушки матлотъ.

Легкія, кружась, мелькали ноги,
Въ сладостную уводя мечту.
Залъ глядѣлъ, сіяющій и строгій,
Въ окна, въ росяную темноту.
За окномъ, — склоненнымъ силуэтомъ, —
Сторожитъ въ дремотѣ у окна,
Воздыхаетъ по нездѣшнимъ свѣтамъ,
Сумерками ворожитъ — весна:
Прогнусавитъ скрипкою густою,
Легкою слезою заблеститъ,
Тусклою полоской заревою
Вдалекѣ заляжетъ — и грустить...

Дома ждутъ насъ. Натеревшись на ночь
(Поясница и притомъ — года),
Возлѣ лампы Алексѣй Иванычъ,
Намъ наливши чаю, — какъ всегда,
Труднымъ услаждается пасьянсомъ;
Щурясь, смотритъ: «Вотъ и май пришелъ».
И ложатся карты — черный съ краснымъ —
Письменами вѣщими на столъ.
И ложатся карты, и прядется
За окномъ кудель самой Судьбы...
«Знаете, чтó загадалъ? — сойдется,
Значитъ, будутъ этотъ годъ грибы.
Прошлый годъ — никто-бы не повѣрилъ,
Сколько было прошлый годъ грибовъ...»

Все раскрыто. Въ радостныя двери
Входитъ, удивленная, любовь.

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ

Безъ денегъ, даже безъ друзей,
И въ шумѣ городскомъ, отравномъ,
Богаче тотъ, кто всѣхъ бѣднѣй,
Свѣтлѣе, чище и безславнѣй.

И сердце бѣдное мое
Съ печалью темной незнакомо,
Оно всегда хвалу поетъ,
Оно всегда и всюду дома,

Я не плачу за свой ночлегъ,
Хожу съ протянутой рукой,
Но тормозитъ мой легкій бѣгъ
Добро, накопленное мной.

Благословляя тѣхъ, кто далъ,
Благословляю тѣхъ, кто не далъ,
Кто слово доброе сказалъ,
Кто позабылъ меня и предалъ.

И въ страшный часъ земной разлуки
Благословенно бытіе, —
Прими, Христосъ, пустыя руки
И сердце полное мое.

ВЕЧЕРЪ

Наступаетъ вечеръ запоздалый,
И горитъ вечерняя звѣзда,
Воздухъ сталъ томительнымъ и талымъ,
Какъ вчера, какъ прежде, какъ всегда.

Все уходитъ, все уходитъ снова,
Исчезаетъ изъ раскрытыхъ рукъ,
Даже недосказанное слово
Нашихъ несвершившихся разлукъ.

Все обманетъ, все обманетъ снова,
Задымится, вспыхнетъ, обожжетъ,
Но душа останется суровой,
Но душа холодность сбережетъ.

Ю. Д. ШУМАКОВЪ

СО СТѢНЪ МОНАСТЫРЯ

Лѣсовъ окрестныхъ чернобровье,
Орѣшникъ, ранняя роса,
Полей проснувшихся краса,
Зеленыхъ взгорій изголовья.

Дубовъ проникновенный говоръ
О сновидѣніяхъ вѣковъ.
Подъ ризой рдяныхъ облаковъ
Икона неба голубого.

И гаснетъ время и пространство.
Съ улыбкой строгой постоянства
Мнѣ въ душу смотритъ Тишина —
Безстрастный стражъ святого сна.

Стало слово прозрачнымъ,
Словно льющійся лучъ.
Стонъ волны синимъ плачемъ
Расплескался пѣвучъ.

Сколько нѣжности,
Сколько грустности —

Въ неизвѣстности,
Въ синеустности...

Все длиннѣе ночи,
Все короче дни,
Съ каждымъ мигомъ одиноче:
Я — рыдающимъ сродни.

Уже Симеонъ Листопроводецъ
Сентябрьской бирюзой отголубѣлъ.
И солнце осени въ колодецъ
Метнуло горстью ослабѣвшихъ стрѣлъ.

И, первой бабочкою, листикъ
Принесъ лощинѣ желтизну.
И небо, словно истый мистикъ,
Пріяло нѣкую весну.

Ушелъ въ закатъ, сиреневъ,
Не помышляя ни о чемъ,
Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ
Съ двустволкой за плечомъ.

УКАЗАТЕЛЬ

---

*) Въ настоящій Указатель вошли только сборники стиховъ, выпущенные, начиная съ 1919 г., внѣ Россіи.